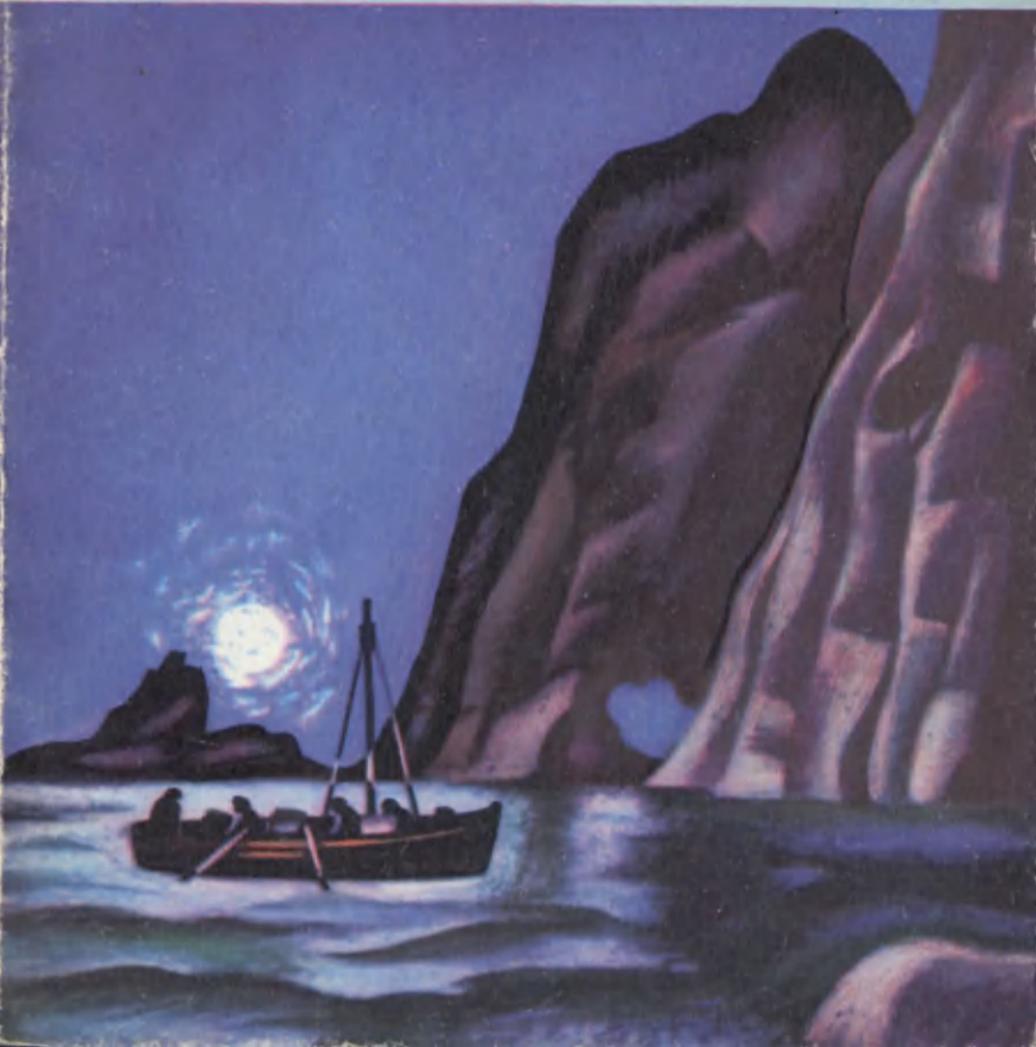

Б.И. КОШЕЧКИН

СЫН, НОВОЙ ЗЕМЛИ

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ГЕОГРАФЫ И ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

**СЫН,
НОВОЙ
ЗЕМЛИ**

Б.И. КОШЕЧКИН

СЫН,
НОВОЙ
ЗЕМЛИ

(ТЫКО ВЫЛКО)

МОСКВА
«МЫСЛЬ»
1980

91(09)
К 76

РЕДАКЦИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Scan+DjVu: AlVaKo
28/02/2024

На фронтисписе — ТЫКО ВЫЛКО

© Издательство «Мысль». 1980

К $\frac{20901-134}{004(01)-80}$ 168-80. 1905020000

Тыко Вылко... О нем написаны книги, статьи, очерки, стихи. Автор одной из последних книг о нем — искусствовед Ольга Порфирьевна Воронова — вспоминает в заключение слова Расула Гамзатова: «Когда тебя спрашивают, кто ты такой, можно предъявить документ, паспорт, в котором содержатся все основные данные. Если же у народа спросить, кто он такой, то народ как документ предъявляет своего ученого, писателя, художника, композитора, политического деятеля, полководца». И продолжает: «Какой ты народ? Кто ты? Задайте эти вопросы ненцам, и они расскажут о Тыко Вылке».

Самобытный художник, сказитель, общественный деятель — все эти стороны разностороннего таланта послужили предметом специального изучения. По выражению Евгения Евтушенко, «стал он темой диссертаций». И вместе с тем деятельность Тыко Вылки — путешественника и исследователя, человека, бесконечно преданного делу научного изучения Новой Земли и внесшего значительный вклад в географию крупнейшего архипелага Арктики, ее картографа и номенклатора — является как бы фоном, на котором биографы Вылки строят свои рассказы о Вылке-художнике, Вылке — «президенте» Новой Земли, Вылке — просветителе ненецкого народа.

В течение ряда лет автор этих строк имел возможность познакомиться не только с существующими публикациями о жизненном и творческом пути Тыко Вылки, но и с многочисленными рукописными материалами, убедительно свидетельствующими о том, что дело географического изучения Новой Земли было основным делом всей жизни этого замечательного сына ненецкого народа, начиная с дней юности и до его последнего дня.

Проводник, друг и сподвижник Владимира Александровича Русанова, Тыко Вылко удостоился самой высокой оценки одного из наиболее выдающихся исследова-

телей Арктики. О нем Русанов писал, что «...это человек незаменимый в экспедициях и как участник и проводник — он читает книгу природы, как мы с вами газеты, это живая карта Новой Земли. Человек он смелый, отважный, решительный...».

При жизни Илью Константиновича Вылку нередко называли «живой легендой Севера». Это верно не только потому, что большую часть жизни он пользовался популярностью как следопыт и самобытный художник. Это также приоткрывало и совершенно другую сторону. До революции события жизни И. К. Вылки, описывавшиеся на страницах газет и журналов, нередко приукрашивались, искажались в угоду падкой к сусальной экзотике буржуазной публике, дополнялись нелепыми вымыслами. Многие опубликованные материалы о нем оказываются противоречивыми и недостоверными. Эти обстоятельства вынуждают автора чаще, нежели это обычно принято при составлении популярного биографического очерка, обращаться к документам, цитировать подлинные высказывания Ильи Константиновича. Безусловно, это наносит ущерб занимательности рассказа, но позволяет донести до современников образ замечательного сына Новой Земли в его максимально приближенном к истине виде.

РОДИЛСЯ Я НА НОВОЙ ЗЕМЛЕ

Знать своих предков, историю своего рода — в обычае каждого ненца. Илья Вылко вспоминает:

«Пращур мой жил в тундре, за Обдорском. Назывался он Яр. Был он бедным пастухом, не имел собственных оленей. Когда за Обдорском после гололедицы и сибирской язвы пало много оленей, Яр перебрался на Ямал, стал пасти там стада у богатого оленщика Сыродета. Хозяин был сердитый и злой, часто бил Яра, плохо кормил его. Однажды Яр разругался с ним и ушел на реку Кару, где жил род Вылко. Там его встретили приветливо, сказали, что примут в свой род, если он возьмет их фамилию. Яр согласился.

У Яра родился мальчик. Назвали его Ямбо. У Ямбо были четыре дочери и сын Ханец, который является моим отцом. Дед помер рано, и отца воспитали сестры. Он тоже был наемным пастухом.

Как-то раз случилось несчастье. Волки задрали несколько оленей. Хозяин рассердился и выгнал Ханца

со слепой матерью. Они перебрались на Югорский шар, на то место, где сейчас стоит Хабарово и где Ханец стал рыбу ловить, морского зверя бить. Однажды мимо ехал ненец Хохрома Лаптандер, имевший много оленей. Он решил помочь Ханецу — дал ему старый карбас, кремневое ружье, двадцать зарядов с пулями и посоветовал ехать на Новую Землю, где есть становище Малые Кармкулы и хороший промысел рыбы и зверя. Сговорившись с другим ненцем, Ханец тронулся в путь. На Новой Земле они поставили чум и прожили в нем несколько недель. Затем поехали дальше. В Раковой губе, недалеко от Мучного носа, встретили поселение ненцев, у которых и остановились. Здесь жил Алексей Ледков с дочерью Евдокией. Ханец женился на ней, но в становище не остался: поехал дальше — на Север. Он обосновался в Белушьей губе. Взяв себе в товарищи Максима Пырерко и Петра Тайборея, стал промыслять на большом карбасе, полученном в приданое от Алексея Ледкова. В 1886 году, 15 февраля по старому стилю, у Евдокии родился сын, которого сперва называли Тыко, а потом священник переименовал в Илью. Это был я».

Ксения Петровна Гемп, известная исследовательница Севера, видный деятель Географического общества, знавшая Вылку более тридцати лет и часто встречавшаяся с ним, записала некоторые рассказы о детстве Тыко.

«После рождения Тыко семья Ханеца стала быстро расти: появились на свет его братья. Однако чум не становился больше — не хватало оленьих шкур. «Жили в тесноте, в дыму и грязи», — вспоминал Вылко.

Все время Ханец проводил на промысле или в экспедиции. А в чуме оставалась голодная семья. «Летом-то сами чего напромышляем, а зимой отец — один добытчик в семье». Мать тоже с утра до вечера за работой:

запасает на топливо плавник, обрабатывает шкуры, шьет одежду. И зимняя и летняя одежда Тыко — меховая малица. Впервые рубашку из ткани он надел в 14 лет.

Семи лет Тыко впервые пошел на промысел. У отца учился ловить рыбу, бить гусей, собирать птичьи яйца».

О годах своего детства Тыко Вылко коротко рассказал в записках, напечатанных в «Известиях Архангельского общества изучения Русского Севера». Публикуя автобиографию Вылки, редакция журнала целиком сохранила слог, транскрипцию автора, не вполне владевшего тогда русским языком.

«Когда я маленький был ездил на собаках, на охоту стрелять оленей и нерпу на льду. На воде лотке отец не пускал, когда отец спал, тогда я тайно на маленьком лотке плавал по озеру. Когда вырос, я стал плавать по берегам море и стрелять уток гаги чисьтики. Когда отец выезжал на карпаса на дальний расстояний он брал мене, чтобы править руля когда на веслах грибут. Я сясто ездил им, мне очень понравился по морю ездить. Первый раз море вид водны не терпел, потом привык, когда отец я поберегу на парусах катался. Каждый день катался дальше и дальше. Раз на охоту ездили карпаса, собрать гагарочный яйцо, гагачий пух, у наш карпас был на якоре. Карпас был большой, отец говорит идико на карпас, братом. Мы подняли парсу ветер был крепкий, карпас так выстро остановили на якорь.

Раз весной говорю отцу дай мне слюбку, промыслить нерпы, сайца. Отец не давал лотку, наконец дал, отчас собрал команду четырех товарищи, парус прихотовили и поехали. Ездили между пловучими льдами, убили четыре нерпу сверь не было. Освратились домой. Было туман ветер был к берегу. Лед нам месал, подошли плише дома, лед хватил, нашу лотку чуть не расбил. Едва добрались берег. Потом несколько дней просло. Мы снова правились на охоту большом карпаса, собрал команду моло-

дых людей, мы ездили на парусах, убили один белугу, четыре сайца, десять нерпа, вернулись домой. Потом отец сясто пускал на карпасае. Собсем привык по морю ездить. Стал ездить на далекий разстояний».

Когда Тыко исполнилось восемь лет, он получил в подарок от отца собаку Нохо и лук с жильной тетивой: скоро мальчик станет мужчиной, настоящим охотником. И надежды отца оправдались. В ту же зиму Тыко убил из лука годовалого медведя — первого из ста двух, ставших его добычей в течение всей жизни. Дотащить до чума он его не мог и заночевал у туши.

— Свернулся я на снегу в клубок, как Нохо. Ноги прикрыть нечем, хвоста-то у меня нет. Обмерзнут, думаю. Взял собаку на свои ноги, она и меня, и себя грела. Нохо была славная собака, сильная, умная, — рассказывал Вылко Ксении Петровне.

— В книжках читал — первая любовь не забывается, а у ненца первая — собака, — смеялся он.

В поисках зверя Тыко уходил от родного чума на десятки, а потом и на сотни километров. В возрасте 14 лет он в одиночку на лодке впервые прошел Маточкин Шар. «Пролив этот дикий, скалы голые, туман над ними, а вышел на Карскую сторону — простор: вода, льды и зверя много».

Ханец Вылко, обучившийся грамоте в экспедициях, был первым учителем сына. На бумажных обертках от чая выводил Тыко корявые буквы. Потом, для верности, несколько раз обводил угольком.

КОГДА ЮНЫЙ ВЫЛКО ВПЕРВЫЕ ВЗЯЛСЯ ЗА КАРАНДАШ?

Распространен рассказ, что его первые опыты рисования касались искусства портрета. Листая забытый заезжим путешественником календарь, Тыко пытался перенести на бумагу портреты протопопы Аввакума, Ломоносова, а уж потом обратился к пейзажу. Однако ни в воспоминаниях самого Вылки, ни в записках знавших его нам не удалось найти документального подтверждения этому рассказу.

В 1896 году в Белушьей губе побывал художник Александр Алексеевич Борисов. Ученик Шишкина и Куинджи, он посвятил себя высокой цели — поведать миру средствами живописи о неведомом полярном мире. «Ученые, — писал он, — открыли Север для науки. Художник вторично откроем его для всех!»

Встречался ли в это время Вылко с Борисовым? В этом можно не сомневаться — слишком ограничен был круг обитателей становища, чтобы кто-то из его жителей мог

не знать приезжего художника. Да и среди рисунков Борисова сохранился портрет Ханеца Вылки, бывшего его проводником. Вторая встреча с художником произошла неожиданно.

В 1900 году Борисов вновь отправился на Новую Землю. Близ Маточкина Шара его яхту затерло льдами. Оставив корабль на произвол судьбы, Борисов и его спутники решили искать спасения на берегу. По ломавшемуся льду несли на себе запасы продуктов, оружие, одежду. Однако постепенно большую часть груза пришлось бросить — так труден и опасен был путь среди ледяных разводий. Уже почти у берега просторную льдину, на которую выбрались путешественники, понесло на север. Спасение пришло лишь на шестые сутки...

— Утром собрались мы с отцом на охоту, — вспоминает Тыко, — слышим — ружейные выстрелы, а затем крики о помощи. Видим — люди передвигаются по льдам. Запрягли мы собак, взяли две лодки и пошли к ним. Доставили всех на берег.

Однако то, что именно Борисов «открыл» юного Вылку-живописца, мало вероятно. По-видимому, с произведениями знаменитого художника Тыко познакомился значительно позднее. «Я дивился Александру Алексеевичу, — записала со слов Вылки Г. Е. Гемп. — Хорошо писал он Север, потому что знал и любил его».

В 1904 году Тыко Вылко впервые самостоятельно отправился на промысел на Карскую сторону Новой Земли. В его записках, опубликованных в журнале «Путь», кратко рассказывающих об этом путешествии, наиболее важным является упоминание о том, что этим летом Вылко, по-видимому, впервые приобщился к пейзажной живописи. Ландшафты родного острова явились темой, побудившей его к рисованию. «...В августе я сидел у берега Карского моря. По небу тучи, облака

ходят. Был закат солнца. Горы на воде отражаются. Куски льда плывут по течению. Я подумал: если бы я умел рисовать, срисовал бы эти горы! Думаю: я их попробую рисовать. Пошел в юрту, взял бумагу, карандаш. И начал рисовать. Ничего не вышло. Три дня работал, кое-что написал. Все лето помаленьку рисую. Картины собираю...»

В Государственном архиве Архангельской области хранится также собственноручная запись Вылки: «Рисовать я самостоятельно начал в 1904 году. Уходил в горы и думал: как красиво на бумагу перевести все это. Но бумаги почти не было, не было и карандашей, а о красках и мечты в голову не приходили».

Таким образом, наиболее вероятно, что Вылко был художником-самоучкой. Это не исключает последующего прямого или косвенного влияния на его первые шаги в живописи путешественников и художников, бывавших в то время на Новой Земле. А таких было несколько. В 1905 году в становище Маточкин Шар приехал сосланный в Архангельск за революционную пропаганду профессор Петербургского университета М. Ю. Гольдштейн. Он и участники его экспедиции были поражены этюдами молодого ненца, дарили ему бумагу и карандаши. В это же время на Новой Земле работал впоследствии «ежелетне» бывавший там замечательный художник и сказочник Степан Григорьевич Писахов, который познакомился с Вылкой и стал его другом до глубокой старости. «Оставил я Вылке краски, — вспоминал Степан Григорьевич, — а на просьбу научить, сказал, что мы, приезжие, не знаем Новую Землю, как он знает, что без нашей указки он лучше делает...»

...Пройдут годы, десятилетия. Опасности и невзгоды многотрудной жизни талантливого сына ненецкого народа останутся позади. На смену им придут дни при-

знания, всеобщего уважения и скромной славы. Вместо дымного чума и убогой промысловой избы будет уютный и светлый дом на тихой улице Архангельска. Но родной остров навсегда останется в сердце Вылки. И на склоне дней он сложит и споет горькую песню-воспоминание:

На берегу Карского моря, у высокого земляного холма,
стоит старая избушка.
Она была когда-то новой, а теперь вся развалилась,
заросла травой.
Белеют в траве оленьи кости, они тоже заросли травой.
Давно забытые детские санки
в землю вросли..
Здесь жил Тыко.

МНЕ ХОЧЕТСЯ ЕЩЕ ДАЛЬШЕ — НА СЕВЕР

Первое десятилетие XX столетия было временем многих замечательных открытий в полярных странах. Суровые горы Новой Земли, многократно приближенные оптикой подзорных труб, притягивали взоры капитанов кораблей полярных экспедиций. Не известные людям долины, безымянные еще вершины, весь этот неведомый мир северной природы неудержимо манили исследователей.

В числе первопроходцев Новой Земли тех лет был и зоолог Дмитрий Константинович Носилов, живший по соседству с домом Ханца Вылки. Быть может, наблюдая за работой Носилова, юный Тыко Вылко составил себе первое наивное представление о работе исследователя, впервые ощутил притягательную силу процесса познания. С детства он научился пользоваться компасом, в ранней юности постиг элементарные приемы глазомерной съемки. И в сердце Тыко Вылки с необыкновенной силой вспыхнула жажда поиска, исследования, откры-

тия. Жажда эта поглотила все существо молодого ненца, стала главным содержанием его жизни на долгие годы.

В 1905 году: «Приехала к нам на лето экспедиция... Мне подарили карту Новой Земли; еще подарили компас, дали градусник, бумаги, чернил, перьев. Потом я зимой ходил на Карскую сторону. Я задумал начертить карту. Я начал по компасу карту чертить: на карте не такой совсем. Тогда я думал: эта карта неправильная. Я задумал поехать на север — какие заливы есть на Карской стороне, острова, ледники...»

В 1907 году: «Я отправился на Карскую сторону один. Мне хочется на Пахтусов остров, исследовать заливы, острова, где большие ледники. Чтобы я всех больше знал Новую Землю».

Так началась замечательная заполярная эпопея Тыко Вылки, в ходе которой он в одиночку вел исследования не известного тогда европейской науке Новоземельского побережья Карского моря.

«В продолжение трех лет, — писал В. А. Русанов, — занимался этот замечательный самоед* съемкой малоизвестных восточных берегов Новой Земли. Ежегодно продвигался он на собаках все дальше и дальше к северу, терпел лишения и голодал. Во время страшных зимних бурь целыми днями ему пришлось лежать под скалой, крепко прижавшись к камню, не смея встать, не смея повернуться, чтобы буря не оторвала его от земли и не унесла в море. В такие страшные дни гибли одна за другой его собаки. Бесконечное число раз рисковал Вылко своей жизнью для того, чтобы узнать, какие заливы, горы и ледники скрыты в таинственной, манящей дали Крайнего Севера. Привязав к саням компас, согревая за пазухой заочневшие руки, Вылко чертил карты

---

* Самоеды — старое назв. народов, говорящих на самодийских языках; — ненцев, энцев и др. — *Прим. ред.*

во время сильных морозов, при которых трескаются большие камни, а ртуть становится твердой как сталь».

Позднее, восстанавливая в памяти страшные подробности этих походов, Вылко рассказывал:

— Я в снежной яме жил, старую нерпичную шкуру ел. Сначала на огне нагревал, чтобы мягкой стала, и ел.

Но бывали дни, когда не было и нерповой шкуры. Тогда следопыт извлекал из-под снега смерзшиеся кустики хрупкого ягеля.

— Нужно было сосать, а не глотать. Какой он вкусный и питательный! Это меня отец научил.

Время, когда собачья упряжка Тыко Вылки неслась в пелене пурги к неведомым окраинам архипелага, где он наносил на бумагу абрис скалистых берегов, сменялось месяцами полного риска труда на промысле и охоте.

Какие опасности грозили ему и скольких он счастливо избежал благодаря своему опыту, мужеству и находчивости! Смертельный риск для него явление повседневное, и поэтому на нескольких страницах своего жизнеописания он повествует о полных крайней опасности ситуациях с поразительной, я бы сказал — с оглушающей простотой.

Однажды Вылко с двумя братьями был на промысле на Карском побережье. Отправились на охоту. В поисках оленей поднялись на прибрежные возвышенности, долго бродили там, но оленей не было. На обратном пути упряжки наскочили на скалу. Все попадали в снег. Длинный хорей, ударившись о камень, отскочил со страшной силой и едва не вонзился в грудь Тыко.

В другой раз Вылко поехал промышлять нерпу. Долго плавал на лодке среди льдин в поисках зверей. Наконец убил одну нерпу.

Поднявшийся ветер заставил повернуть к дому. Лодку стало сносить в сторону, и Тыко думал лишь об одном: как достичь берега? Наконец ему удалось подвести лодку

к кромке пляжа. Охотник выскочил на прибрежные камни, но набежавшая волна сбила его с ног, а лодку унесло в море.

Кое-как выбравшись на сушу, весь вымокший в ледяной воде, Вылко отправился к промышлявшим невдалеке товарищам. Взяв у них карбас, поплыл на поиск своей лодки. Тем временем ветер все усиливался. Дырявый карбас стало заливать водой. Пришлось возвратиться ни с чем. Но высадиться долго не удавалось — берег здесь был достаточно высок. Отыскивая место, где можно было бы подвести карбас, Тыко не обратил внимания на новую большую волну, подходившую к берегу. Внезапно она ударила и перевернула карбас. Охотник оказался в ледяной воде, большая лодка накрыла его сверху. Тыко все же удалось привязать ружье к лодке. Следующая волна выбросила его на берег. Снова весь вымокший, Тыко оттащил карбас от берега и отправился в становище.

А весной новое приключение. Тыко поехал на охоту за чайками за шестьдесят километров от дома. К месту добрался лишь к вечеру. Подстрелив очередную птицу, увидел, как она упала далеко под обрывом. В руках у Тыко был шест, с помощью которого он двигался по обледенелому насту. Внезапно охотник поскользнулся и начал катиться под обрыв. Шест из рук у него вырвало. В последнюю минуту, выхватив нож, он воткнул его в снег по самый черенок и удержался у самой воды, где волна лизнула ноги. Ползком полез наверх, на обрыв...

В этих коротких рассказах Вылко неизменно добавляет: «Думаю, теперь живым не буду», «Уж думаю — теперь не жив», «Уж думал — я теперь жив не буду». А кто считал, сколько раз смерть смотрела ему в лицо за пять десятилетий, которые он провел на Новой Земле на промыслах, в экспедициях, в пути между отдаленными становищами?!

Писатель Ю. П. Казаков цитирует еще одно, быть может, наиболее типичное место из воспоминаний Вылки: «Убил одного медведя в пути. Собак накормил. День был ясный. Мне одному скучно было. Мороз 50 или 45 градусов. Три дня я ехал домой. У меня градусник лопнул от мороза».

Действительно, зачем живописать, с его точки зрения, обыденное и всем известное?

Стало привычным называть приключения в снегах Севера «джеклондоновскими». Но назвать так странствия Тыко Вылко на Новой Земле было бы кощунством. Игрушечными делами на игрушечном севере кажутся приключения героев Джека Лондона в сравнении с самоотверженным трудом ненецкого следопыта на отторгнутом от всего мира гигантском острове в Ледовитом океане, на жестокой арктической суше, не ведающей о солнечном тепле и в большей части не видевшей человека с самого дня своего появления на лике планеты.

Результатом трехлетней работы Вылки явилась довольно подробная карта восточного побережья Новой Земли от мыса Фернес на севере до мыса Щербакова на юге. Расстояние это даже по прямой составляет около двухсот километров. При этом на чертеже, выполненном Вылкой, береговая линия показана значительно более извилистой, нежели на более ранних картографических изображениях острова, а некоторые заливы оказались более сложной конфигурации, чем полагали прежде. Важно также отметить, что съемкой была покрыта обширная часть побережья, примыкающая к мысу Дальнему, где частые и густые туманы постоянно закрывают берега и не дают возможности провести картирование и сделать их описания с моря.

Поэтому позднее В. А. Русанов, составляя карту северного острова Новой Земли, по его собственным

словом, пользовался «главным образом данными Ильи Вылки, который в течение трех лет занимался описанием этих берегов, объезжая их зимой на собаках». Русанов подчеркивал, что «во всех тех случаях, когда оказывалось возможным проверить на месте разницу между существующими картами и чертежами Вылки, результаты говорили не в пользу карт, а в пользу чертежей Вылки. Если соотношение частей и размеры площадей у Вылки требуют в некоторых случаях исправления, то общая конфигурация берегов и очертаний отдельных участков суши по большей части схвачена им удивительно точно».

Летом 1908 года Ханец Вылка становится проводником французской экспедиции, в которой принимал участие и Русанов. Тыко же сопровождает приехавшего на Новую Землю в поисках сюжетов для съемок известного фотографа и путешественника Захара Захаровича Виноградова. «У Виноградова, — вспоминает Вылко, — карта была Новой Земли. Я тогда смотрел, по-моему, неправильно. Эти карты никуда не годятся».

На небольшой лодке Виноградов и Вылко отправились к Карскому морю. Путь лежал проливом, разделяющим северный и южный острова Новой Земли.

«Кто проходил Маточкиным Шаром, тот, вероятно, никогда не забудет удивительной красоты дикой и величественной панорамы, которая там постепенно разворачивается. Сколько прелести и разнообразия в сочетании зеленых морских волн с обнаженными и разноцветными горными складками, со снегами и с ледниками! Пользуясь такой известностью у туристов, норвежские фиорды тусклы и бледны по сравнению с удивительным разнообразием и оригинальной яркостью форм, цветов и оттенков этого замечательного и в своем роде единственного пролива», — говорилось в описании одного из полярных путешествий.

И Захар Виноградов, объехавший чуть ли не весь мир, не отрываясь, следил за сменой пейзажей, вглядывался в каждый изгиб береговой линии — что там, дальше? А дальше взору открылся казавшийся бесконечным простор Карского моря.

С тяжелой камерой и громоздкой треногой штатива Виноградов и Вылка осторожно двигались по скользким валунам, поднимались на скалы к птичьим базарам, к вершинам гор, с которых открывалась рябью волн даль моря...

А после похода, когда у палатки, разбитой на прибрежной террасе, споря со светом полярной полуночи, ярко разгорался плавник, путешественник и проводник вели долгие беседы. Вылко рассказывал о мире по-своему, так, как слышал от отца, а тот от деда и прадеда. О том, что высшее божество на свете — это Ннум. В ту пору, когда Ннум еще не создал ни людей, ни животных, он один властвовал над землей. То носился в воздухе ветром, то выпадал дождем, то прорастал кустами и травами. Ннум — властелин всех стихий. Это он посылает на землю снег, дождь или бурю. Ннум недоступен человеку. Иногда можно видеть только кайму его одежды. Недоступно людям и другое высшее божество — бог зла Аа. Удел людей обращаться с низшими богами — хэхэ. Это хэхэ можно попросить об удаче на охоте, о том, чтобы купец дал патронов и чаю за шкуры или меха...

Виноградов слушал молча, не перебивая. Но потом, как бы исподволь, рассказывал молодому ненцу о том, как появились на земле горы и возникли моря. Объяснял, что такое грозовые тучи и откуда берется дождь.

По-видимому, Виноградов преподавал Вылке и некоторые азы теории живописи. «Я от него узнал, что это — перспектива, сюжет, колорит», — говорил Вылко.

На обратном пути путешественники попали в бурю. Захар Захарович настаивал на том, чтобы переждать непогоду на берегу, но проводник уверенно вел карбас к дому. Добрались благополучно, только у фотографа промокла одежда и все содержимое карманов.

Через несколько дней Виноградов встретил вернувшегося из очередной экскурсии Русанова и рассказал ему о смелости проводника. Готовясь на будущий год к самостоятельной экспедиции, Русанов решил взять в нее Тыко Вылко.

И снова долгая зима на родном острове. Каждый день Тыко, как и всех его соплеменников, был наполнен борьбой за существование, заботой о хлебе насущном: промысел зверя, охота, рыбная ловля. К зиме 1908 года относятся его записки с теми же бесхитростными описаниями ежедневных происшествий: «В октябре я отправился со своими товарищами на охоту. Один день проехали 60 верст. Мы нашли рыбную реку. Остановились, поставили юрту. Мы хотели на четвертый день вернуться домой. Вечером было тихо. По небу большие тучи быстро ходили. Я задумал: наверное, будет сильная погода дуть. Мы тогда чай пили...

Вдруг сильный ветер подул в нашу жалкую юрту. Мы не заметили, как вылетели: ни чашек, ни чайника, ни ружья, ни саней ничего нет. Друг друга не видим. Кроме своих рук, ничего не видно. Я крикнул своим спутникам: где вы? Они кое-как добрались до меня. Мы кричали собакам. Собаки все собрались. Мы тут всю ночь сидели. Утром ветер немножко стих. Мы стали вещи собирать: чашки, чайник, топор, юрту, ружье. Которые вещи нашли, которые нет. Мы в тот день поехали домой».

А по весне, когда позади остались Месяц Большой Темноты и Месяц Малой Темноты, когда на небе исчезли сполохи — полярные сияния — и померк свет Нгер Гум-

гы — Полярной звезды, уступив небосвод свету подни-
мавшегося солнца, Тыко снова отправился на лодке в
море. Сидел на корме, пел:

Море родное люблю,
Карское море люблю,
Много в море нерпей,
Много в нем и моржей...

С РУССКИМ РУСАНОВЫМ

В 1907 году на Новую Землю приехал Владимир Александрович Русанов, которому суждено было сыграть огромную роль в дальнейшей судьбе Тыко Вылко.

Летом Владимир Александрович совершил непродолжительное путешествие на восток острова. Проводником его был один из передовых представителей ненецкого населения — Ефим Хатанзей. Он рассказывал:

— У Русанова полного снаряжения не было. Был одет он плоховато. Да ничего, выносливый был человек, веселый, не боялся ни холода, ни морского пути.

Вторично, уже в составе экспедиции французского национального Океанографического общества, Русанов прибыл на Новую Землю на следующий год на исследовательском судне «Жан Картье». В путь на Карскую сторону, к губе Незнаемой отправились вшестером: начальник экспедиции Кандиотти, Деламар, Русанов и Неве и проводники Митрофан Хатанзей и Ханец Вылко.

Маршрут по горным ледникам, по бескрайним россы-

пям каменных глыб оказался неимоверно трудным. Почти все участники экспедиции вынуждены были отступить перед встретившимися преградами. Только Русанов достиг цели путешествия — губы Незнаемой. Русанов, живя в поселке, нередко бывал в избах и чумах ненцев. Заглядывал он и к Ханцу Вылко.

«Владимир Александрович часто имел беседы с моим отцом, братьями и жителями поселка», — записал Вылко.

Однажды Русанов застал вернувшегося из поездки с З. З. Виноградовым Тыко за рисованием. Подошел, внимательно рассмотрел рисунок, одобрил:

— Молодец! Ты, оказывается, хорошим делом занимаешься.

В 1909 году на Новой Земле начала свои работы экспедиция Главного управления земледелия под начальством Ю. В. Крамера. Однако фактическим руководителем этой экспедиции стал В. А. Русанов, обладавший уже большим опытом работ в Арктике. И когда Тыко Вылко и его брат Санко получили от него приглашение принять участие в экспедиции, братья с радостью согласились.

Часть пути на восток шли пешком. Продолжительные переходы сменялись часами отдыха, за которым снова следовали дни изнурительного пути.

Уже был на исходе полярный день. «Зажглась мерцающим светом первая звездочка, — писал в своем дневнике фотограф экспедиции А. А. Быков. — Нежными мягкими красками потухает закат. Тихо спит наше становище... Вот направо, в глубине долины, сгрудились горы и встали толпой — синие, таинственные в ночных сумерках. Туда нам идти. Там мы хотим попытаться найти удобный переход к Незнаемому заливу. Чу, никак гуси? Все ближе слышно их торжествующее гоготанье. Пытливо всматриваюсь в неясные сумерки, а рука невольно

тянется к винтовке, лежащей рядом со мной. Нет, далеко летят, и трудно на лету стрелять пулей, надо для этого быть Ильей Вылко! Тот бьет на лету без промаха. Санко, тот тоже метко стреляет, но до Ильи ему далеко!»

Наконец отряд достиг Незнаемой губы. Разбили постоянный лагерь. Потянулись экспедиционные будни. Обычно Вылко сопровождал Крамера: нес за ним мешок с астролябией. Потом внимательно следил за работой геодезиста.

— Вылко, иди сюда, — подозвал его однажды Русанов. — Тыко, ты смелый парень, хорошо управляешься с парусом. Завтра мы отправляемся на шлюпке на север, до полуострова Адмиралтейства. Если трудно будет, не станешь жаловаться?

— Не буду жаловаться. Очень хорошо все будет! — заверил ненец.

Шлюпку конопатили и смолили тут же, на берегу. Она была стара: шпангоуты подгнили, обшивка совершенно рассохлась. «При взгляде на нее сердце сжималось невольной боязнью. Поездка эта могла кончиться печально», — замечал Быков. На следующее утро Русанов вместе с Тыко и Санко двинулся вдоль северного берега Крестовой губы. К вечеру, уже в сумерках, Тыко разглядел на берегу промысловую избушку. Из печной трубы поднимался слабый дымок. Появившийся из избы человек помахал рукой — приглашал подойти к берегу.

Это оказалась артель норвежцев из Хаммерфеста, промышлявшая здесь морского зверя и белых медведей.

— Есть ли еще норвежские промышленники на острове? — поинтересовался Русанов.

Выяснилось, что промысловые артели норвежцев расположились и в губе Норденшельда, и в Архангельской губе.

— В этом году мы хорошо промышляли, — похвалился норвежец. — Мы хотим занять половину острова...

Впоследствии, вспоминая эту встречу, Русанов с горечью писал: «Печальная картина на русской земле. Там, где некогда в течение столетий промышляли наши русские отважные поморы, теперь спокойно живут и легко богатеют норвежцы». Полярный исследователь и замечательный патриот призывал «предохранить эту исконную, но... забытую полярную окраину от угрожающей ей печальной участи открытого русскими людьми Груманта—Шпицбергена».

На следующий день группа достигла Южной Сульменовой губы. Здесь была устроена днёвка, во время которой Русанов сделал интересные геологические сборы.

Бродя по берегу, Тыко также обнаружил древние окаменелости — «каменных червей». Рассматривая находку, Русанов похвалил проводника:

— Очень хорошо. Учить бы тебя надо.

Он показал Вылко разнообразные окаменелости, пояснил:

— Это аммонит, это белемнит, это коралл.

— О чем ты задумался? — спросил он ненца немного спустя.

— Как же эти черви превратились в камни?

После объяснений Русанова Вылко, по его собственному выражению, «совсем забыл о промысле и думал только о грамоте».

В последующие дни была обследована Северная Сульменова губа и берега полуострова Адмиралтейства. Погода не всегда благоприятствовала работе экспедиции. Временами побережье затягивало туманом. Ветер усиливался и поднимал высокую волну. Однажды при выходе из губы Машигина лодка внезапно обо что-то ударилась. Впереди проступили очертания громадного айсберга. Отойдя от него и пристав к берегу, путешественники стали свидетелями того, как ледяная гора обрушилась в воду, а образовавшийся водяной вал отбро-

сил шлюпку далеко на прибрежную гальку.

Идя по берегу, Вылко обнаружил несколько «каменных лимонов». Найденные окаменелости он показал Русанову.

— Ты очень полезный человек для экспедиции, — похвалил Русанов следопыта.

Однажды путешественник указал ему на прибрежную сопку:

— Как ты думаешь, какова ее высота?

— Наверное, метров триста.

Поднявшись на вершину, Русанов взглянул на ане-роид.

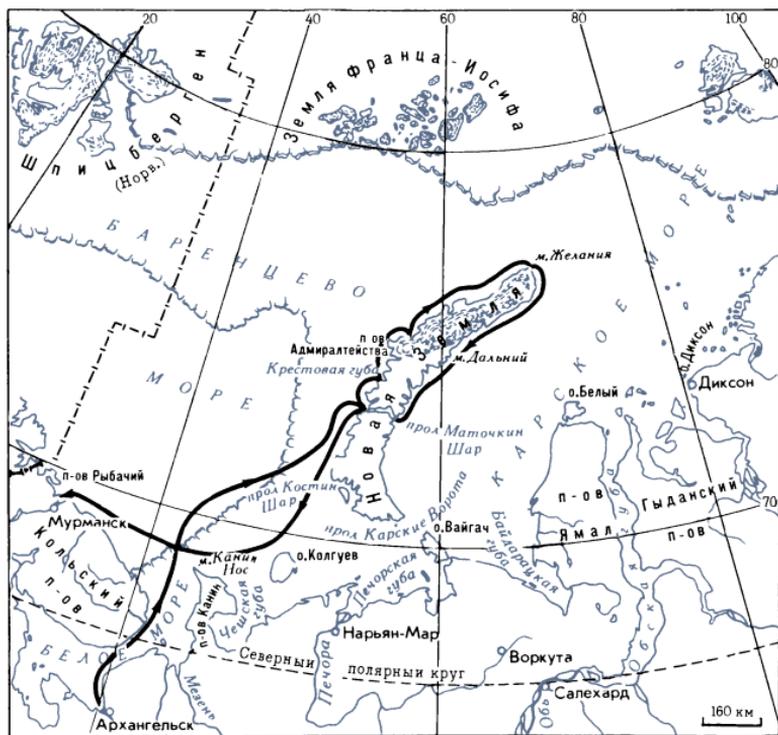
— Ты ошибся только на два метра. Теперь всегда верить тебе буду.

Выполняя обязанности проводника, Вылко не остав-лял любимых занятий рисованием. «Русанов ходит, камешки собирает. Санко пимы свои сушит. А я хожу по берегу, горы рисую», — читаем в его записках.

«Он мне показывал свои работы, — писал позднее в «Архангельских губернских ведомостях» А. А. Бы-ков. — По-моему, это прямо талантливо. И откуда это он выучился рисовать?»

В Крестовой губе путешественники застали два рыбо-ловных судна, на одном из которых они вернулись в Маточкин Шар. Из поселка участники экспедиции отправились на Большую землю. «Русанов тоже уехал. Я остался...» — вспоминал Вылко.

Но уже в этом, 1909 году весть о талантливом нене-цком юноше достигла Большой земли. В газете «Архан-гельск», где была опубликована далеко не благожела-тельная информация о докладе официального руководи-теля экспедиции Ю. В. Крамера на собрании членов Общества изучения Русского Севера, говорилось, что «...поведал нам г. начальник экспедиции, что он открыл среди самоедов исследователя, картографа и художника,

Путь «Дмитрия Солунского» вокруг северного острова Новой Земли

да какого! Способного заменить европейски известного г. Борисова...». Имя Вылки названо не было, но, несомненно, речь шла о нем.

Летом 1910 года В. А. Русанов решает продолжить свои исследования на Новой Земле. На этот раз на судне «Дмитрий Солунский» предполагалось обогнуть ее северный остров. Предстоящее плавание представлялось исключительно опасным и трудным. Согласившийся сначала командовать судном штурман Смирнов, обла-

давший большим навыком ледовых плаваний, отказался от участия в экспедиции, посчитав ее программу слишком рискованной. И это имело свои основания. Даже знаменитый Пахтусов, поднявшийся в 1883 году далеко к северу от Маточкина Шара, вынужден был остановиться, не дойдя до северной оконечности острова. «Мне было и жаль, и совестно оставить берега, никем не обследованные, — писал он. — Пусть обвиняют меня в робости, но для исполнения своих, хотя и полезных, намерений я не хотел быть виновником гибели моих спутников. Я решил на обратный путь».

В смелой экспедиции Русанова приняли участие горный инженер М. М. Кругловский, зоолог С. С. Иванов, препаратор С. С. Четыркин, штурман В. Е. Ремизов. Капитаном «Дмитрия Солунского» был опытный помор Г. И. Пospelов. Чтобы захватить еще одного участника, корабль по пути из Архангельска зашел в Маточкин Шар.

«Я рисовал горы на берегу моря, — вспоминал Вылко. — Я вижу: в океане судно идет к Маточкину Шару. Бросает у становища якорь. Мы выехали на лодках к судну, поднялись на палубу. Русанов встретил меня и говорит: Вылко, я тебя возьму с собой вокруг Новой Земли...»

В ночь с 20 на 21 июля «Дмитрий Солунский» должен был отправиться в опасный путь. Тыко стоял на палубе, следя за тем, как медленно отступает к горизонту пелена тумана, на смену которому появилось неяркое солнце...

Обогнув далеко вдающийся в море Сухой Нос, судно взяло курс на Крестовую губу. Из-за противного ветра на подходах к ней пришлось долго лавировать. И лишь в два часа дня участники экспедиции ступили на берег.

В Крестовой губе Вылке довелось встретить еще одного замечательного человека, чья судьба оказалась прочно связанной с освоением Арктики. В губе в это

время находилась гидрографическая экспедиция Георгия Яковлевича Седова.

А через два года берега этого острова стали последним приветом Земли на трагическом пути Георгия Седова. В «Книге посещений Ольгинского поселка в Крестовой губе на острове Новая Земля» он оставил последнюю запись: «1912 г., авг. 27 дня, по пути к Северному полюсу, завернули к гостеприимным ольгинцам на необходимый отдых. Отрадно видеть было, что Ольгинский поселок с 1910 г. заметно разросся... Старший лейтенант Седов».

...Вечером 23 июля «Дмитрий Солунский» оставил рейд Крестовой губы и взял курс к полуострову Адмиралтейства. Оттуда отдельные группы исследователей должны были направиться в Архангельскую губу и на Панкратьевы острова. Русанов и Вылко на шлюпке решили обследовать береговую линию от залива Норденшельда до Архангельской губы, а затем вместе с другими участниками экспедиции — северный берег полуострова Адмиралтейства и Глазову губу.

Когда близ северо-западной оконечности полуострова был отдан якорь, разыгралась большая волна. Огромные водяные валы готовы были затопить шлюпку. Тем не менее удалось завести мотор, и перегруженная лодчонка направилась к берегу. Тем временем корабль снялся с якоря и двинулся к заливу Норденшельда.

Утром 26 июля ветер стих. Русанов и Вылко поспешно разобрали палатку и уложили вещи в шлюпку. Долго пытались запустить мотор, а когда завели, плыли весь день и лишь к вечеру остановились в восточном конде Глазовой губы. Вся эта часть залива была занята оторвавшимися от ледника плавающими или сидящими на мели льдинами. Попытка войти в реку, впадавшую в вершину губы, потерпела неудачу. Пристали к отмели на северном берегу губы и на следующий день, пока вози-

лись с мотором, сделали несколько коротких экскурсий. Затем после полусуток плавания постоянно под дождем ледяных брызг путешественники достигли южного берега залива Норденшельда, куда к полуночи подошел «Дмитрий Солунский».

Спустя два дня, Русанов, Вылко, механик Журавлев и матрос Шаламов на моторной шлюпке попытались проникнуть в самый далекий — восточный — конец залива Норденшельда. Был обследован обширный ледник, висевший над водой по всей его ширине, — не менее семи километров. Поднявшись на возвышенность, Вылко наблюдал иссекавшие его поверхность бесчисленные трещины, обширные скопления морены наподобие дорожных насыпей, уводивших в неведомую ледяную пустыню. Начавшийся сильный дождь заставил путешественников вернуться на берег, к предусмотрительно разбитой там палатке.

После экскурсии на северный берег залива Норденшельда шлюпка вышла в море и двинулась в залив Вилькицкого. На одном из островов на высоте 140 метров Русанов нашел раковины четвертичных моллюсков. «Каким же образом, — размышлял исследователь, — водами морской трансгрессии или при движении ледников оказались они занесенными на такую высоту?»

На высокой скале обнаружили базар глупышей. Вылко хорошо знал этих птиц, но никогда до этого не наблюдал их гнездований. Как и его соплеменники, он полагал, что глупыши выводят птенцов на плавучих льдинах.

Наконец 17 августа «Дмитрий Солунский» достиг северо-восточной оконечности северного острова — мыса Желания. Никогда еще нога исследователя не ступала на эти берега. Во время стоянки Русанов и Вылко отправились в глубь неведомой суши. «Они бродили по голой равнине с редкими ручьями и озерами, — пишет

Председатель сельсовета
Ольгинского становища
Ефим Хатанзай. Рисунок

Губа Белушья, Новая
Земля. Рисунок Вилко

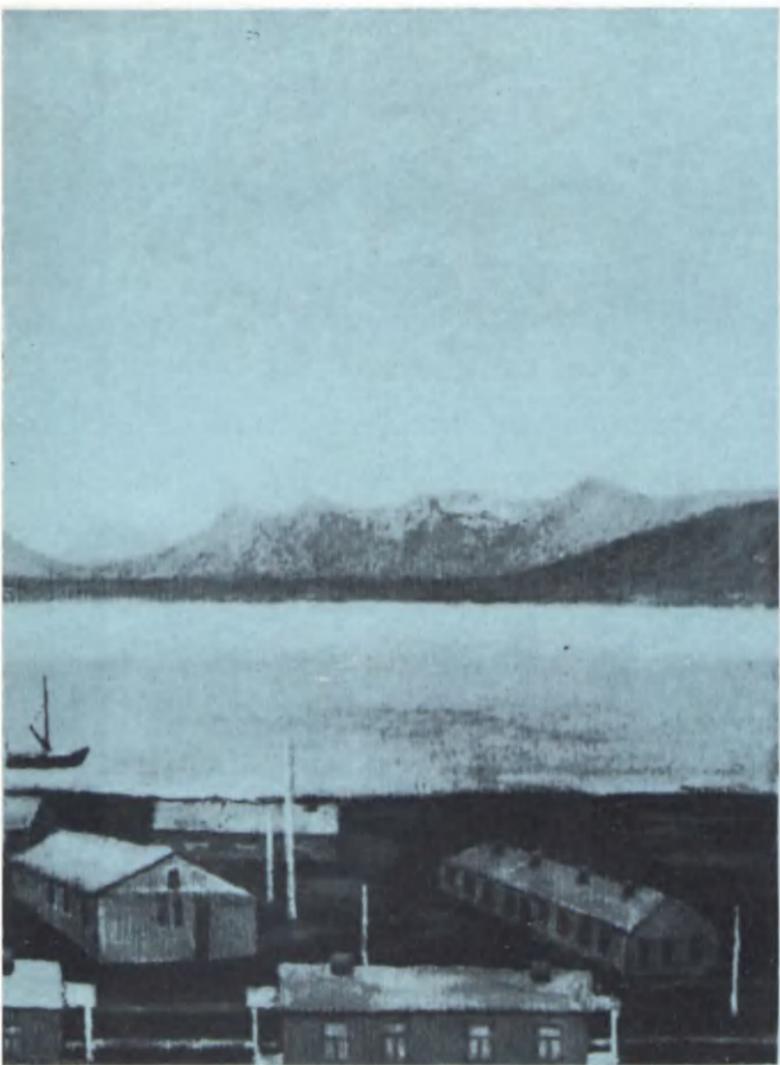

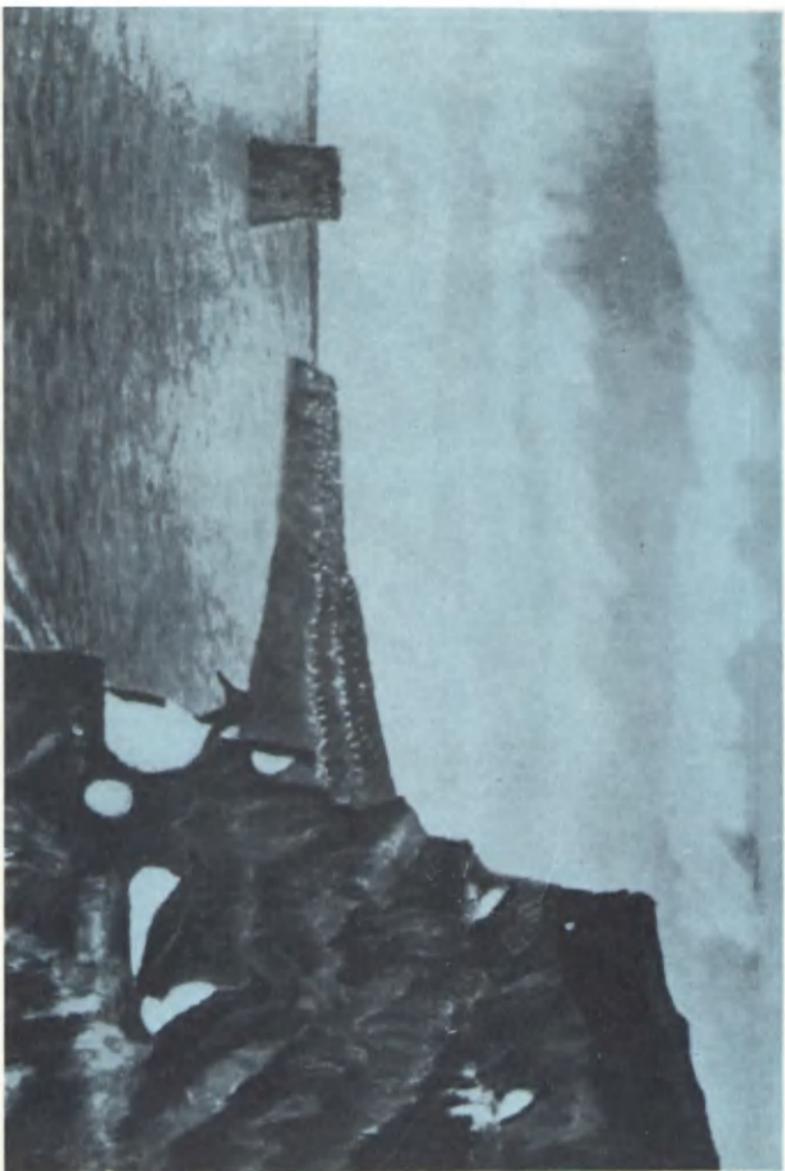
Мыс Дровяное. Масло.
Рисунок Выхло

Маточкин Шар. Фактория
Лагерное. Масло. Рису-
нок *Вылко*

Пейзаж с птицами. Мас-
ло. Рисунок В. Яко

Незнаемый залив. Льды
в Карском море. *Рисунок*
Вылко

На промысле. Масло.
Рисунки Вилко

В. М. Пасецкий. — Не было ни уток, ни гусей, которые южнее встречались тысячами. Только маленькие кулички стремительно проносились над водой, нарушая тревожным пискom чуткую тишину пустынного края. Растительности не было никакой. Тут нельзя было увидеть даже новоземельской ивы, которая встречалась в Архангельской губе и в Незнаемом заливе. Глаза не могли отыскать ни одного цветочка. Мхи — и те встречались редко и всегда прятались между камнями. Оленьих следов не было видно, зато много встречалось медвежьих».

...На рассвете 21 августа Вылко разбудил ничего не подозревавшего Русанова.

— Лед пришел из океана, нет нам туда ходу.

Путешественник быстро оделся и вышел на палубу. С северо-запада, из-за мыса Желания, насколько хватало глаз, двигалось сплошное ледяное поле с редкими айсбергами. Сплошным полукругом лед занимал весь горизонт, медленно приближаясь к судну.

Русанов поднял на ноги всю команду. Люди выскочили на палубу, спешно подняли якорь, стремясь избежать ледяного плена. Свободной оставалась лишь узкая полоса воды вблизи берега. Она открывала путь к западу — в Баренцево море и к юго-востоку — в Карское. Русанов и Вылко приняли решение уходить в Карское море. Наверняка двигавшиеся с северо-запада ледяные поля уже вплотную подошли к западным берегам острова и отрезали бы путь в Баренцево море. И «Дмитрий Солунский» вышел на Карскую сторону по узкому, еще не перекрытому льдом каналу.

Дальнейшее плавание корабля проходило в тяжелых ледовых условиях. Корабль двигался вдоль ледяной кромки. Снежная пелена ухудшила видимость и делала возможным столкновение с айсбергами.

Однажды путь кораблю преградили две огромные

ледяные горы. Между ними был виден только узкий проход, за которым открывалась полоса чистой воды. Русанов предложил капитану войти в проход и толкнуть льдины, чтобы корабль мог пройти. Поспелов командовал:

— Полный вперед!

Корабль уперся в отвесную стену одного айсберга, кормой толкнул другой. Судно почти проскочило проход, когда оба айсберга покачнулись. Корма «Дмитрия Солунского» внезапно высоко поднялась. Судно с силой подалось вперед и выскользнуло на чистую воду. В то же мгновение оба айсберга опрокинулись и их основания поднялись над поверхностью волн. Затем они столкнулись, море вокруг кипело от падающих на его поверхность осколков льда.

— Теперь деритесь, а мы ушли! — радовался Вылко.

Этот эпизод послужил темой одной из новых картин Вылки — ««Дмитрий Солунский» между двух айсбергов».

Когда опасность быть затертыми льдами миновала, Русанов и Вылко вновь высадились на берег. По пути к прибрежным возвышенностям Русанов обратил внимание на перемещавшихся по тундре животных. То были два огромных диких оленя. Ружья путешественников остались на корабле. Русанову пришлось вернуться за ними, а Вылко следил за тем, куда двинутся звери. Когда Русанов подошел снова, оба оленя скрылись за ближайшим пригорком. Вылко, обутый в мягкие нерпичьи пимы, бесшумно обогнул возвышенность. Животные были невдалеке. Ударили выстрелы. Один олень упал сразу. Другой, с перебитой ногой, прыгнул в воду.

— Ну и молодец! — воскликнул подбежавший Русанов. — Теперь всех мясом накормим.

Чтобы сохранить мясо, надо было тотчас спустить

кровь и разделать оленей. Но ножа ни у кого не оказалось. Владимир Александрович решил снова идти на корабль.

— Раньше отец говорил: когда нет ножа, разделявай камнем, — вспомнил Вылко. Нашел плитку сланца, разбил ее на тонкие пластинки с острыми краями. С помощью такого примитивного лезвия вспорол живот оленя, выпустил внутренности. Когда подошел Русанов, туша была уже разделана.

— Ты, оказывается, человек каменного века! — пошутил путешественник.

...Держась восточного берега острова, «Дмитрий Солунский» направился к Маточкину Шару, а затем лег на обратный курс — к берегам Мурманска.

Закончилась еще одна экспедиция, в ходе которой была составлена новая карта северного острова, существенно более точная, нежели имевшиеся ранее. Был обследован ряд островов, заливов, проливов, часть из которых была известна раньше только по карте Вылки.

Деятельность экспедиции получила высокую оценку даже в официальных кругах. По словам Архангельского губернатора И. В. Сосновского, экспедиция «не только выполнила поставленную ей задачу — обследовать северо-западное побережье Новой Земли от полуострова Адмиралтейства до Архангельской губы, но совершила, кроме того, исключительное по своей трудности и опасности плавание вокруг всего северного острова Новой Земли, впервые обойденного русскими людьми на русском судне после легендарного, продолжавшегося три года путешествия отважного помора Саввы Лошкина в середине XVIII века... Совершенное Новоземельской экспедицией в 1910 году плавание несомненно займет видное место в истории полярных путешествий».

Не обойден вниманием и проводник экспедиции. За участие в ней Вылко «высочайше награжден» нагрудной

золотой медалью на Анненской ленте, поощрительной медалью Русского Географического общества. Архангельский губернатор «...имел счастье поднести государю императору альбом картин Вылки».

...Этот альбом мне удалось отыскать в фондах рисунков Государственного Русского музея в Ленинграде. На большом, застегнутом на медные крючки, обтянутом зеленой кожей футляре крупное золотое тиснение: Новая Земля. Внутри, в самом начале, прекрасный дагеротипный портрет самого Вылки в белой кухлянке. Дальше — толстые листы картона с наклеенными акварельными рисунками. По нижней кромке первого листа надпись: «Рисовал самоед Тыко Вылка». Над ней скомпонованы мелкие рисунки, большая часть из которых сделана во время поездок с Русановым. Здесь преобладают пейзажи: Машигина и Крестовая губа, мыс Столбовый, Маточкин Шар, горы Крестового острова. Но самое любопытное — это миниатюрная карта Новой Земли — результат синтеза знакомых Вылке ее картографических изображений с запечатлевшимися в памяти абрисами ее побережий. Не столько карта, сколько сделанный в перспективе рисунок архипелага, его вид с птичьего полета, с воздушного шара, с забравшегося бог весть куда самолета, со спутника...

На другом листе — монтаж вырезок из журнала «Искра» и газеты «Русское слово» под общим названием «Тыко Вылко у себя на родине». Здесь и фотографии отца и брата, и жанровые сцены: Тыко за очисткой шкуры, Тыко у убитого медведя, Тыко любителю с горы закатом солнца. И конечно, пейзажные снимки.

Далее — две крупные акварели в формате полного листа: «Незнаемый залив Карского моря» и «Остров Берха. Полуночный восход солнца». В поллиста — виды Маточкина Шара.

Альбом — как летопись лет, проведенный Вылкой в экспедициях Русанова. Летопись времени, о котором Вылко будет петь:

Долгое-долгое лето
Вместе с Русановым
Я веду десять русских
Среди плавучих льдов.
Долгое-долгое лето
На двухмачтовом судне,
Только мотор стучит.
С русским Русановым
Дружба была хорошая.
Было у нас две головы,
А сердце одно.

Я ВСЕГДА ПОМНЮ ЭТОТ ГОРОД

В Архангельске, куда Русанов привез Вылку после окончания экспедиции, оглушенный непривычными звуками шумевшего ярмаркой города, юноша проследовал на вокзал. К перрону подали поезд.

— Какая-то машина катит без лошадей, остановилась: тут мы сели, я боюсь...

А когда поезд тронулся и за окном вагона открылись бескрайние просторы северных лесов, Вылко поразился:

— Какая земля лохматая!

Пересадка в Ярославле. И наконец Москва.

«...Осенью 1910 года, как-то утром пришли ко мне два незнакомых человека, — вспоминает художник В. В. Переплетчиков. — Один высокий, блондин, свежий, энергичный, живой, другой низенький, коренастый, с лицом монгольского типа. Это были начальник Новоземельской экспедиции, обошедший летом 1910 года северный остров Новой Земли, Владимир

Александрович Русанов, другой — самоед Тыко Вылко...

Пока мы разговариваем с Русановым, обсуждаем план жизни и обучения Вылки в Москве, он самым благовоспитанным образом пьет чай; его манера держать себя совсем не показывает, что это дикарь. Одет он в пиджак, от него пахнет новыми сапогами, и только когда он ходит, то стучит по полу ногами, как лошадь на театральной сцене. Ему приходилось в своей жизни больше ходить по камням, по снегу, по ледникам, чем по полу».

Поселившись у В. В. Переплетчикова, Тыко Вылко получил, таким образом, в Москве бесплатную квартиру. Среди передовой интеллигенции Москвы В. А. Русанов нашел для него учителей, которые взялись безвозмездно давать уроки живописи и основ наук. Художник Абрам Ефимович Архипов давал ему уроки рисования углем и масляными красками. Мария Васильевна Эртель обучала Вылку русскому языку, Сергей Владимирович Сафонов — математике, Варвара Сергеевна Воскресенская — географии, межевой инженер Э. В. Варсановский — основам геодезии; профессор Григорий Александрович Кржевников преподавал Вылке основы ботаники и зоологии и обучил технике набивания чучел птиц. Старый знакомый Захар Захарович Виноградов подарил Вылке фотографический аппарат, научил обращаться с ним.

В числе документов «заведующего колониями на Новой Земле» Б. И. Садовского сохранились отзывы учителей Вылки. Для нас большой интерес представляют отчеты преподавателей географии и геодезии, так как они дают представление о формировании географического кругозора Вылки, приобретении им знаний, необходимых исследователю, которые он сможет использовать в будущем. Слово учителям Вылки:

В. Воскресенская: — Илья Константинович Вылко занимался со мной по географии с 1 ноября 1910 года по 1 февраля 1911 года и прошел за это время общий курс физической географии применительно к программе учебника А. Кронберга «Курс физической географии». Начал обзор внеевропейских стран, причем была пройдена Африка (положение, поверхность, население, растительность и животный мир) и Азия (очертания, поверхность, животный и растительный мир). Илья Константинович занимался прилежно и проявил способности к быстрому запоминанию и сообразительности.

Успешность в занятиях в последний месяц заметно повысилась и благодаря некоторому навыку к умственному труду и большому знакомству с русским языком.

Э. Варсановский: — Занятия с Ильей Константиновичем Вылкой по геометрии в связи с обучением его приемам буссольной съемки, а также и угломерной начал в феврале 1911 года и продолжал с ним эти занятия весь март и часть апреля. В виду весьма малого объема сведений, какие у него были по арифметике, а также при незнакомстве его с алгеброй плановности и строгой последовательности занятий, конечно, быть не могло. Однако было сделано все то, что применительно к его понятиям и сведениям, а именно:

основные понятия о геометрических величинах, длине, площади, объеме; об углах и их измерении; треугольниках, их равенстве; многоугольниках правильных и неправильных, окружности и круге...

Из геодезии:

Понятие о плане, масштабе. Инструменты для измерения углов: буссоль, астролябия. Понятие об астрономической трубе и земной. Применение их к целям геодезических измерений. Приемы буссольной съемки. Съемка астролябией. Составление плана по измерен-

ным в натуре румбам и длинам линий. То же по измеренным углам. Инструменты для составления плана: транспортир, употребление масштаба, циркуль и линейки. Устройство полевого бинокля.

Помимо дисциплин, наиболее близких и необходимых исследователю Новой Земли, Вылко активно воспринимает произведения культуры и, конечно, живописи. «Илье Константиновичу очень нравились сказки, короткие рассказы... Мы читали рассказы Толстого, произведения Пушкина, Лермонтова, Тургенева; мне доставляло истинное наслаждение читать ему», — вспоминала Мария Васильевна Эртель.

Разумеется, основное время пребывания в Москве было посвящено совершенствованию в живописи. В мастерской Переплетчикова Вылко рисовал с неподвижной натуры красками. Сначала акварелью, потом маслом. Он хорошо чувствовал краски, постепенно приучался брать все более верные тона. Переплетчиков учил его выявлять в тоне все оттенки и нюансы, избегать яркого, стремиться, чтобы рисунок был точен, изображение отличалось наглядной убедительностью, «вещностью».

— Не сочинять нужно художнику, не придумывать, а всецело подчинять себя натуре, — любил повторять учитель.

Архипов, следивший за тем, как Вылко рисует с гипсов, высказывался иначе. Советовал брать лишь главное в натуре, не повторять ее во всех подробностях.

— Главным в живописи, — говорил он, — остается мысль художника. Ей повинуются и композиция, и цвет.

Вылко не возражал учителям, с интересом следил за работой Архипова, Переплетчикова, Аполлинария Васнецова. Но в своем творчестве остался самим собой: использовал лишь те формы, которые были ему внутренне близки. И когда на его картинах появлялся

необычайной синевы лед и художника спрашивали, почему он синий, Вылко отвечал:

— Я видел такой.

— Он не только талантливый художник, — рассказывал Переплетчиков, — он талантлив вообще. У него хороший музыкальный слух и память. Он знает массу сказок. Интересуется механикой. Умеет управлять мотором на лодке и знает его механизм. Очень интересуется электричеством и раз, когда никого не было в комнате, развинтил горящую электрическую лампочку.

Вылко посещает музеи. Он побывал в Кремле, в Оружейной палате, несколько раз ходил в Третьяковскую галерею, Румянцевский музей. Возвращаясь, признавался:

— Хорошо там было душе моей.

И полотна, содержание которых еще вчера было непонятно, сегодня заставляли задерживаться, вдумываться, волноваться.

21 марта 1911 года в Московском музее кустарных ремесел открылась персональная выставка Вылки. На ней были представлены и его ранние робкие опыты — рисунки, выполненные карандашом, и более поздние цветные рисунки и акварели, и полотна последних лет. «Уже тогда, — писал С. Г. Писахов, — это был большой мастер, вернее, в нем чувствовался большой мастер. Работы Вылки поражали неровностью: то детски неумелые, то сильные, полнозвучные, как работы тончайшего европейца, в тончайшем рисунке, в легких и прозрачных тонах».

Перед картинами художника разгорались оживленные дискуссии. Одних восхищала самобытность мастера, другие видели в его работах наивные и невежественные потуги на живопись. Здесь же, на выставке висела карта Новой Земли, составленная им еще до встречи с Русановым. «На карте те же наивные надписи, все

больше об оленях, и длинные линии путей, пройденных художником», — отмечал один из рецензентов.

Однако большинство зрителей было настроено более доброжелательно к новоземельскому живописцу. В их представлениях его судьба — «судьба, которой, пожалуй, еще позавидуют многие собратья по искусству, родившиеся под более близкой параллелью. Иметь готовый круг непечатых тем и вдохновений — это редкое преимущество. В сущности о чем же мечтать каждому из нас, как не о том, чтобы стать поэтом Новой Земли!»

Вся Москва валом валила в скромный Музей кустарных ремесел, чтобы увидеть необыкновенные картины необыкновенного живописца. Чем же пленяло творчество ненецкого художника-самоучки избалованных ценителей искусств? Да не тем ли, что для изломанных в те годы декадансом вкусов столицы простота и непосредственность искусства Вылки и показались необыкновенными? Или становившиеся в те годы модными подражатели примитивизму стремились найти в живописи Вылки новые каноны?

Спустя полвека Евгений Евтушенко напишет о Тыко Вылке:

...а он себя не раздувал,
И безо всяческих загадок
Он рисовал закат — закатом
И море — морем рисовал.
Был каждый глаз у Тыко Вылки,
Как будто щелка у копилки.
Но он копил, как скряга, хмур,
Не медь потертую влияний,
А блики северных сияний
И переливы нерпих шкур.

Бурные впечатления огромного города, шумной московской жизни не могли вытеснить в душе Вылки

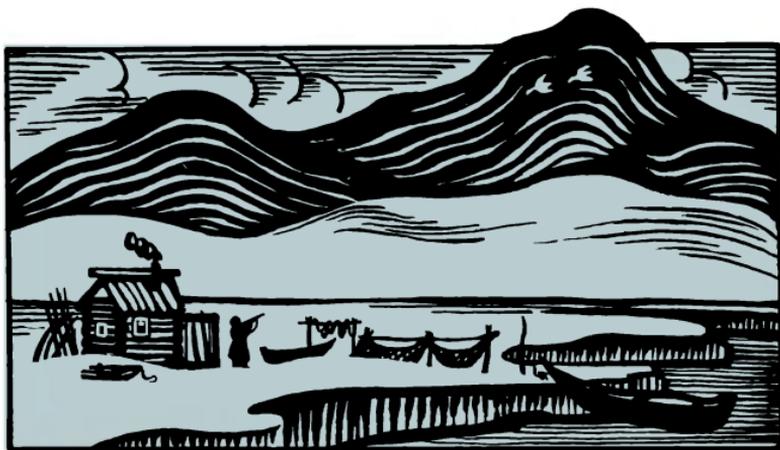
образа родного острова, родного края. И тогда из соседней с мастерской комнаты Переплетчиков слышал «странные, тягучие, печальные звуки — это Вылко, за работой, поет сомоедские песни: песнь войны, песнь охоты, песнь смерти; эти необычные звуки переносят своей своеобразной тягучестью в далекие снеговые пустыни, в бесконечные полярные ночи; эти звуки тоски прекрасны и музыкальны».

Вылко отвлекается от академических сюжетов, отодвигает масляные и акварельные краски и, как прежде, берется за карандаши. Он рисует «избу своего отца, рисует снеговые горы за губой, красный кирпич, сложенный у крыльца, отца и брата...».

Зима подходит к концу. Вылко уже совершенно освоился с жизнью в городе. Он выходит на прогулки на Сухареву площадь в модном костюме, его не теснят галстук и высокий крахмальный воротник.

Весной годичный курс обучения заканчивается. Вылко прощается с Москвой.

— Люди хорошие здесь, в Москве, очень хорошие, добрые! Ты мне как отец был, — говорит он Переплетчикову, — заботился, и хозяйка, где я жил в комнате, заботилась, и учителя заботились, и учительницы заботились. К Москве теперь привык, все здесь знаю, как на Новой Земле.

Я ОСТАЮСЬ НА НОВОЙ ЗЕМЛЕ

Летом 1911 года Главным управлением землеустройства и земледелия была организована новая экспедиция на Новую Землю. Задача, поставленная перед ней, — обследование побережья южного острова, в особенности Петуховского Шара, где предполагалось провести комплекс геологических и географических работ для оценки перспектив освоения этой части острова. Кроме того, Русанов мечтал обойти на этот раз весь южный остров и тем самым завершить рекогносцировочное обследование всего архипелага. Вернувшись из Москвы в Архангельск, Вылко начал деятельно готовиться к новому путешествию. В это время здесь строится небольшая парусно-моторная шхуна «Полярная», на которой и предполагается вести исследования. Вылко поступает на двухмесячные курсы мотористов, чтобы быть еще более полезным при работе экспедиции.

Кроме В. А. Русанова и И. К. Вылки в состав новой экспедиции вошли землемер и ботаник Э. П. Тизенгау-

зен и два матроса: Андрей Муханов и Александр Яшков. 6 июля «Полярная» и все имущество экспедиции были погружены на пароход «Ольга». Спустя двое суток после отплытия из Архангельска пассажирам «Ольги» открылись берега Новой Земли.

В Белушьей губе все экспедиционное снаряжение было перегружено на борт «Полярной». В течение нескольких дней шла оснастка корабля. Вылко был занят с утра до поздней ночи: закупал у своих соплеменников олени малицы и пимы из тюленьих шкур, принимал участие в оснащении шхуны, в опробовании мотора.

Утром 14 июля «Полярная» снялась с якорей, вошла в пролив Костин Шар и сделала первую остановку у восточного побережья острова Междушарского. Уже здесь Русанов и Вылко убедились в полной непригодности имевшихся карт: на них береговая линия северо-восточной части острова была изображена прямой и простой; в действительности же побережье было изрезано множеством глубоко врезавшихся в сушу заливов. К сожалению, участники экспедиции не имели возможности провести необходимую корректировку карт. Время было ограничено, и нужно было спешить к южной оконечности Новой Земли. Была предпринята лишь небольшая экскурсия, чтобы пополнить геологические, зоологические и ботанические коллекции. По пути Вылко убил трех чаек и двух небольших тюленей, а Русанов — трех уток, послуживших небольшой добавкой к скромному рациону путешественников.

На следующий день «Полярная» пересекла Костин Шар и вышла в открытый океан, чтобы обогнуть далеко вдающийся в море Черный мыс, подходы к которому были окружены подводными камнями и мелями.

Берега, мимо которых плыла «Полярная», мало напоминали их изображение на карте. К тому же побережье

было затянуто туманом. Вылко впервые оказался у южного побережья острова и не мог помочь в ориентировке корабля. Только благодаря встрече с пароходом «Николай» удалось установить местоположение экспедиционного судна.

Когда «Полярная» вышла в Карское море, усилившийся ветер заставил искать убежище в одном из заливов. Во время экскурсии путешественники обнаружили здесь остатки старого поморского поселка — свидетельство того, что русские люди издавна знали эти негостеприимные берега. На покосившихся крестах уже нельзя было разобрать ни надписей, ни дат. Бури и время навсегда унесли имена первых обитателей острова. Под впечатлением этой находки Русанов записал: «...сгнили и развалились избы, в которых жили, мучились и умирали эти безвестные северные герои. Ушел ли отсюда живым хоть один человек? Почему разбросаны черепа? Что это: песцы и медведи разрывали могилы? Или умерли все, а последние трупы так и остались непогребенными? Кто угадает?! Старые, повалившиеся кресты не хотят рассказать свою тайну».

Вынужденная задержка у юго-западных берегов острова была использована для исследований. Вылко принимал деятельное участие в топографической съемке.

Еще в Москве Переплетчиков не раз говорил друзьям Вылко: «Очень было бы желательно, чтобы во время экспедиций, в которых он (Вылко. — Б. К.) примет участие, ему было бы предоставлено больше времени для живописи и рисования. Теперь, обладая достаточными знаниями, он может изображать местность, делать наброски фигур. С ним уже можно считаться как с некоторой художественной величиной. Умения у него хватит, чтобы дать иллюстрацию к путешествию, что несомненно увеличит интерес к экспедиции и даст

наглядное о ней представление». Памятуя это напутствие, в перерывах между работой Вылко сделал несколько удачных этюдов маслом.

В открытом море «Полярная» встретила с английским судном «Нимврод». Сверив английскую штурманскую карту с определениями координат «Полярной», Русанов убедился, что ошибка английского капитана в определении положения собственного судна составила не менее двух градусов долготы — более ста морских миль.

«Полярная» пересекла поперек Черную губу, затем сделала стоянку в одной из небольших бухт. В глубине бухты была обнаружена изба, построенная в 1910 году мурманским промышленником Олонкиным. Отсюда Русанов с Вылкой и с одним матросом направились на экскурсию в северо-западную часть залива. На следующий день исследователи осмотрели лежавшее в вершине бухты озеро. По пути Вылко и Русанов подстрелили оленей. Тащить по горам и болотам несколько пудов оленьего мяса было очень тяжело. Возвратившись в избу Олонкина, Вылко жарко растопил печь и положил в нее, прямо на горячие камни, две жирные оленьи ноги. Наутро все участники экспедиции вдоволь лакомились нежным оленьим ростбифом...

Обогнув поля льда, забившего обширную губу Сохануху, 28 июля «Полярная» вошла в Петуховский Шар. По пути сюда Вылко первым из участников экспедиции пришел к выводу о том, что показанный на карте Большой остров Тихомирова в действительности не существует.

Двигаясь по Петуховскому Шару, с борта судна вели съемку берега, делали промеры глубин. Чтобы облегчить движение шхуны на мелководье, часть имущества перегрузили на моторный бот. На ночевку «Полярная» остановилась у входа в обширный залив Рейнеке, кото-

рый, по выражению Вылки, был «велик, как море».

Посвятив целый день топографической съемке, Русанов и Вылко, измученные, остались на ночлег на берегу, расположившись на шкурах убитых накануне оленей. В последующие дни съемку продолжали, пока можно было разглядеть румбы компаса.

5 августа в дневнике Русанова появилась следующая запись: «Продолжал стоять на руле до тех пор, пока съемка залива Рейнеке не была закончена и сомкнута исходным западным створом, после чего передал руль Вылке...

Меня очень радует, что наконец-то мы покончили с огромным заливом Рейнеке. Это оказался один из самых обширных заливов Новой Земли. До нас никто не знал его истинной величины и очертания. Только вход этого залива был нанесен на карту, да и то неточно. Нанесение всего залива на карту значительно изменит конфигурацию южной оконечности острова и еще резче подчеркнет изрезанность береговой линии...»

Здесь, в заливе Рейнеке, «Полярная» села на подводные камни. Только после начала прилива удалось с помощью якорей стащить с них судно. В узком проливе могли быть и еще более опасные камни, и поэтому было решено переждать разыгрывающийся шторм. Однако глубины оказались так велики, что стать на якоря удалось только в непосредственной близости от скалистого берега. В ожидании улучшения погоды в этом опасном положении «Полярной» пришлось оставаться в течение нескольких дней. На стоянке Русанов записывает: «...официальная и обязательная часть программы выполнена: не только снят и обследован Петуховский Шар, но и залив Рейнеке. Однако меня это мало утешает. Я хочу во что бы то ни стало выполнить свою собственную программу: обойти с юга Новую Землю, обследовать восточное побережье, куда еще не ступала

нога ни одного натуралиста, и Карским морем пройти в Маточкин Шар».

Переждав шторм, «Полярная» снова двинулась в путь. Во время съемки части южной оконечности острова Тизенгаузен и Вылко обнаружили положение неизвестного, уходящего на восток мелководного пролива, по которому неглубоко сидящая «Полярная» благополучно вышла на восточную сторону острова. Приблизившись к Карским воротам, шхуна вышла затем в Карское море.

Под парусом «Полярная» подошла к устью реки Савиной. Впереди темнел скалистый берег, обрамленный бурунами.

Стоя на носу шхуны, Вылко пытался разглядеть безопасный вход в устье.

— Буруны ходят через всю реку. Попробовать зайти или пойдем прямо в Абросимов залив? — обратился он к Русанову. Но еще раз всмотревшись в пенившиеся волны, заключил:

— Не пройдем сюда, зальет и бот, и нас.

И «Полярная» повернула на север — к Абросимову заливу. В полной темноте Вылко завел шхуну в какой-то никому не известный, но очень спокойный залив, где и бросили якорь. По берегу было предпринято несколько экскурсий. И, как всегда, Вылко вернулся из них с богатыми охотничьими трофеями.

Охота на оленей была вынужденной мерой в экспедиции Русанова. По его словам, «в полярных странах кровь — это лучшее, самое верное, в конце концов единственно верное средство от цинги и от смерти». И Вылко учит Русанова есть вынутую из животного еще теплую оленью печень, вымя с молоком, обмоченное вместо соуса в горячей крови сырое жирное мясо, сырой костный мозг, выбитый из оленьих ног.

Более десяти дней продолжался шторм, и «Полярная» оставалась в заливе Абросимова, а затем в заливе Голи-

цына. Потом, не без риска, удалось провести исследования заливов Литке, Степового, Клокова. Здесь, в перерывах между экскурсиями, Вылко сделал несколько рисунков не известных ему ранее уголков острова.

Наконец с палубы «Полярной» стали различимы постройки ненецкого становища, кучка стоящих на берегу людей.

— Меня ждут, — тихо сказал Вылко Русанову.

— Может быть, не стоит задерживаться? — спросил тот.

— Я остаюсь на Новой Земле, — прозвучал ответ.

— Надолго?

— Навсегда.

Они попрощались. В памяти Русанова Вылко остался не только верным помощником, но и настоящим другом. «Начиная с 1907 года, — писал исследователь в заметке «Недочеты колонизации Новой Земли», — я постоянно из года в год провожу два-три летних месяца на Новой Земле. Я остаюсь все эти месяцы в обществе самоедов, которые всегда служили мне надежными проводниками и были верными и самоотверженными товарищами. Настоящую заметку я пишу с сознанием глубокой признательности к этим на край мира заброшенным людям и с чувством тесной дружбы, которая меня соединяет с некоторыми из них». Несомненно, последние слова Русанова адресованы Тыко Вылке.

С таким же теплым чувством Вылко вспоминал Русанова до последних дней своей жизни. По его словам, «Русанов был смелый, сильный и веселый человек. С ним мы не боялись никаких трудностей. Тяжелые карские льды нас не держали. Он тоже верил, что я знаю свою Новую Землю, знаю пути побережья и на ледники». И еще «он не посылал меня, где труднее. Сам вперед шел, но я не пускал, оберегал: я привычнее».

21 сентября в Маточкином Шаре спутники Вылки ступили на борт «Ольги», а 30 сентября вернулись в Архангельск. Позади остались полторы тысячи верст неведомого доселе науке пути. Среди результатов экспедиции были метеорологические и гидрографические наблюдения, интересные геологические находки и открытия. В результате этого плавания — изучения части Северного морского пути — убеждение Русанова, что «никакой другой путь не может быть выгоднее».

В судьбе же Вылки произошли неожиданные и трагические изменения.

...Робкие, неуверенные буквы едва ползут по листу бумаги. В неровном свете жирника Тыко пишет письмо в Москву:

«Его высокородие Василий Васильевич! Дорогой мой приятель Переплетчиков! Ты учил меня, очень помню тебя. Жил с тобой, жил дружно. Желая быть тебе здоровым, когда-нибудь еще приеду к вам в Москву. Когда я пришел на Новую Землю, мне показалось скучно. Туман, холодно, плывут снега в горах... Брат застрелился — попал патрон на огонь и убил его. Жена, дети остались, шесть детей, и по нашим обычаям это моя семья».

В 1913 году Переплетчиков посетил Вылку на Новой Земле. Едва «Ольга» бросила якорь в Белушьей губе, к пароходу поспешил карбас, на палубе которого художник скоро различил Вылку.

— Ну как, здоров?

— Плохо. Корью был болен, потом воспалением легких, а потом сердце болело, недели две как поправился, а то все лежал.

— Работал?

— Да, немного картин рисовал, не очень много.

В избе Ильи Вылки чисто и аккуратно. Гостей встречает жена Прасковья...

— Здравствуй, Прасковья! Как живешь?

— Муж болен был, а то ничего, — отвечает она. Над нарами висит несколько этюдов масляными красками, висит винчестер, на окне бинокль, на стене часы, но они не ходят — сломаны.

— А ну-ка, Прасковья, покажи-ка работы Ильи.

Прасковья бережно приносит папку с акварелями и рисунками. На одном из них очень недурно изображена изба при лампе в полярную ночь. На нарах, на оленьих шкурах сидит Прасковья и шьет. На другом рисунке изображена яхта...

С Переpletчиковым Вылко послал в Архангельск несколько своих работ, которые потом были на выставке в Москве.

Когда летом 1914 года на остров с Большой земли была привезена часовня, Вылко сказал чиновнику губернаторской канцелярии:

— Теперь богу будет хорошо, а ненцам все равно плохо. Лучше бы построили дома для промышленников.

Чиновник не посмел арестовать популярного ненца на острове и решил увезти его в Архангельск. Но, опасаясь ареста, Вылко скрылся на Карской стороне...

Здесь он поставил временный чум, затем построил избушку из плавника. В ней теснилась семья из девяти человек: сам Вылко, Прасковья, семеро детей.

Чтобы прокормить их, приходилось отправляться на промысел в самые отдаленные уголки побережья. Путь туда занимал несколько дней. Это была изнурительная, голодная дорога. «Собак кормил немного, чтобы хватило на другие дни. Домой ехать нету мяса. Живу совершенно бесполезно. Угрюмо, печально сажу», — записывал он.

ПРЕЗИДЕНТ НОВОЙ ЗЕМЛИ

«Какая судьба ждет этого талантливое человека? Возможно ли совместить такие две крайности, как европейский склад жизни, со всеми ее знаниями, удовольствиями, ядом волнений и впечатлений, с жизнью в далеких полярных пустынях, где ночь тянется три месяца при свете северных сияний, где иногда дует «сток» при 50-градусном морозе и камни летят по воздуху от ветра, где тюлени выходят на берег послушать, если кто поет песню на берегу, так любят они музыку, и по ночам перекликаются во тьме, где природа цельная, гармоническая и нетронутая, как в первые дни мироздания; где маленькая горсть людей отрезана от всего мира в течение 9 месяцев; где почти нет инфекционных болезней; где люди благодаря чистому полярному воздуху живут долго-долго на белом свете?» — спрашивал Переплетчиков.

Будущее Тыко Вылки волновало не только его учителя. Судьба даровитого ненца тревожила многих пред-

ставителей демократической интеллигенции России. «Может быть, талант его, — писала одна из газет, — как занесенная ветром искра, едва вспыхнув, тотчас и погаснет, исчезнет без следа? Пятидесятиградусные морозы стодневной ночи и девятимесячная оторванность от родины, от живого мира, едва ли много дадут пищи этому робко вспыхнувшему огоньку».

Однако провидцы ошиблись. Ни на час, ни на месяц Вылко не был оторван от родины. Новая Земля была его землей, вскормившей его и питавшей его дух. А Великая Октябрьская социалистическая революция подняла этого талантливого представителя ненецкого народа к таким вершинам, о которых не могли помыслить его самые большие доброжелатели.

Правда, перемены наступили не сразу. Да и сам Вылко не сразу понял существо революции, значение ее животворных идей. Мировая война, революционные потрясения, оккупация Севера войсками Антанты. Первые годы после Октября жители Крайнего Севера имели очень смутное представление о событиях, которые произошли на Большой земле.

...Летом 1923 года к берегу Белушьей губы подошло первое советское экспедиционное судно — легендарный «Персей». Среди участников экспедиции находился и гидролог Всеволод Аполлинарьевич Васнецов — сын Аполлинария Васнецова, встречавший Вылку в Москве у Переплетчикова зимой 1910 года. Выйдя на берег, он поспешил найти старого знакомого.

— Вы Илья Константинович Вылко?

— Да, я.

— Помните вы художника Аполлинария Михайловича Васнецова в Москве?

— Конечно, помню.

— Я сын Аполлинария Михайловича.

Илья Константинович пригласил гостя в избу. Сведе-

ния о событиях в России на Новую Землю почти не попадали, и Вылко многое хотел узнать. Он справился о здоровье Архипова, Переплетчикова. Был глубоко огорчен, когда узнал о кончине последнего. «Непосредственному и доброму человеку, ему было очень жаль Василия Васильевича», — вспоминал В. А. Васнецов. Всеволод Аполлинарьевич поинтересовался у Вылки, рисует ли он.

— А при большевиках можно рисовать?

— Можно, конечно, можно.

Илья Константинович показал несколько новых акварелей.

— Бумаги нет, краски нет, — пожаловался он.

Всеволод Аполлинарьевич увез в Москву письмо Вылки, адресованное отцу. Приведем его полностью, так как это один из немногочисленных документов, свидетельствующий о жизни Вылки в те годы.

«Здравствуйте Аполинарий Михайлович как поживаешь москве сдоровли. Я видел твоего сына был он у меня дома. Живу так не худо среднем. Очень устаю от заботы промысла. постоянно седа надо рыбу ловить оленя изкать Собак кормить семью кормить.

Картины мало пишу но были картины, все росдавал порукам приешим напароходе на память, на это год я писал 12 картин Светными карандашами, Когда жил Москве было хорошо, только Я помню на каком улице учился, но пиши письмо буду ждть вашу руку. вы Архиповым как не быть послите краски акварели на флаконах — как бывают маслены Альбом небольшой. Я буду очень рад, прихотовлю картину на Масленой красках

Я четыре года ни писал картины во время револю не Занимался художественными делами, потому Я боялся думал польше — вики меня арестуют буду писать картины. когда Я слышал художество восвыжено (возвышено. — Б. К.) Я радостно принялся писать картин польше

подарил картины старался чтобы Снова приняли меня как ранее все думал московския Художники умерли. переплетчикова получал письма друг нестали извести от его. но Досвиданье не Забывай меня пиши письмо

Адрес Мой новая Земля белушья Губа
Вылки Ильи Константиновичу»

Уже в 1924 году Илья Константинович был избран председателем Совета острова Новая Земля. Он начал свою деятельность с того, что подобрал уполномоченных Совета в трех из четырех становищ острова: в Белушьей губе, в Маточкином Шаре и Крестовой губе.

Первым мероприятием Совета стала постройка школы. Учителем Новоземельской школы стал Тимофей Петрович Синицын, позднее ярко рассказавший о работе на острове в книге «Под вой пурги» (под псевдонимом Пеля Пунух). Сам Илья Константинович преподавал в школе рисование.

— Рисовать надо то, что вы знаете, любите, — учил он ребят.

В рваных малицах, в прохудившихся пимах из далеких становищ приезжали в школу ненецкие ребяташки. Многие обмороживались, болели.

Председатель собрал взрослое население Белушьей. Сам выступал, сам писал протокол: «Товарищи! Вопрос о том, что в нашей школе ученики из других становищ. Нельзя ли починить пимов, малиц, липатов? Все ученики учатся для нас. Вы знаете, нам нужны грамотные. Быть может, из этих учеников, которые пришли из Маточкина Шара, выйдет грамотный человек. У нас будут свои учителя и фельдшера, мотористы, капитаны. — На минуту задумался над корявыми буквами протокола и добавил: — Секретари...

Постановили: починить пимов, малиц, липтов...»

Окончив дела и упрятав печать в мешочек из оленьей кожи, Вылко-председатель становился Вылкой-охотни-

ком, бедным из бедных, главой большой семьи, прокормить которую было нелегко.

Однажды отправился он на кромку льда, чтобы подкараулить тюленя. На рассвете убил лысуна. Спустил лодку, привязал к ней тушу. Покуда возился с тюленем, лодку отнесло от берега. Сколько ни бился, против ветра выгresti не мог. Пришлось обрезать ремень с тюленем, вернуться к семье с пустыми руками.

— Я никогда так не пугался, — рассказывал Вылко. — Промысел нелегко одному доставать, можно без вести потеряться.

В 1927 году в Белушьей губе была создана промысловая артель. Скоро артель получила моторный бот. Председателем артели и мотористом стал Вылко.

Вскоре — это было в 1929 году — Илья Константинович отправился в Москву. В Комитете Севера при ВЦИКе доложил о нуждах острова. Председательствовавший Смидович одобрил выступление Вылки, обещал, что Советская власть поможет населению далекого острова чем только возможно.

Однако уезжать из столицы Илья Константинович не спешил. Задумчиво бродил по коридорам ВЦИКа, словно оставалось нужное неоконченное дело. На вопросы работников комитета заявил:

— Приеду домой, спросят меня промышленники: видел Михаила Ивановича? А что я им на это отвечу?

И Вылко вошел в кабинет Калинина.

— Здравствуй, Михайл Иванович, великий человек! Калинин приветливо улыбнулся, протянул руку:

— Здравствуйте, товарищ Вылко. Почему это вы меня великим человеком называете?

— Потому, что тебя избрал наш великий народ и ты управляешь таким большим государством.

Михаил Иванович провел Вылку к дивану, пригласил сесть и попросил рассказать о жизни на Новой Земле, о

заботах ее обитателей. И Вылко рассказал о школе и школьном меню, о пекарне, о построенной недавно больнице...

Два моторных катера, охотничьи припасы, рыболовные снасти, строительные материалы — никогда еще не привозили столько на Новую Землю за один раз! А Илья Константинович рассказывал:

— Сразу видно, что простой человек Михаил Иванович! Рубашка на нем темная, поясок кожаный, старенький, потертый.

Неузнаваемой становилась Новая Земля. В тех местах острова, где потемневшие кресты указывали места бывших поморских станов, было построено более пятидесяти новых промысловых изб. Возникли новые становища и фактории. В Белушьей губе вспыхнули электрические лампочки, заговорило радио. Здесь построили красный чум, причал, тротуары. Открылись магазины.

— Наша Белушья совсем большим городом стала, — говорил председатель островного Совета. — Сто домов!

С особым вниманием Илья Константинович относился к женщинам, с удовольствием отмечал в них черты нового быта, тягу к культуре.

«Теперь-то в школе девки маленькие от парней не отстают. Парень, когда еще руку подымет — «знаю», а девка-то и руку подняла да и сама выскочила — «я, я скажу».

«Ненка много труда несла, не легче мужика работала. А мужик и ребята еще и с нее спрашивают, а ей спросить не с кого. Баба не глупей мужика. В темноте жила, света не видела. На свет жаднее мужика кинулась. Подай ей и теплую избу, и грамоту, и дело, и чай три раза в день пить с сахаром. И туфли ей понадобились».

Вылко превратился в опытного советского работника, умевшего найти путь к сердцу каждого новоземельца.

«Тыко Вылко терпеливо беседовал с ненцами и русскими, разъясняя выгоды коллективного труда. Наконец добился, что во всех становищах, кроме Малых Кармакул, были организованы артели. Позднее объединились и карамкульцы.

Непрерывно росла добыча песка, морского зверя, рыбы, яиц, кайры, гагачьего пуха. Улучшилась жизнь промышленников, особенно ненцев», — писал в книге о Вылко журналист В. Дармодехин.

Немало мужества нужно было иметь для того, чтобы жить на Новой Земле. Еще больше требовалось для того, чтобы отвечать за жизнь других. Ю. П. Казаков приводит рассказ Андрея Александровича Миллера, жившего на Новой Земле в 1934 году и, по словам последнего, обязанного Вылке своей жизнью.

«Семья Миллера — муж, жена и четверо детей — жила на берегу залива Чекина на северном острове. Единственным их соседом был одинокий охотник Иван Тимофеевич Филатов.

Однажды тяжело заболела жена. Миллер попросил Филатова съездить на полярную станцию, на мыс Выходной, где жил врач. Когда Филатов уехал, жене стало хуже, и через несколько дней она умерла.

Миллером, оставшимся на пустынном побережье с малыми детьми, овладело отчаяние. За стенами выла пурга, была непроглядная ночь, а в избе коченел труп жены и плакали голодные дети. Миллер решил, что и он, и дети тоже найдут здесь неминуемую гибель. И решил кончить все разом: стал обливать стены дома керосином, чтобы сжечь семью.

Филатов, поехавший на мыс Выходной, заблудился. Проплутав, он добрался до полярной станции только на шестой день. Врача на месте не оказалось, зато Филатов застал там Вылку, объезжавшего по своему обычаю промысловые станы. Председатель островного Совета

приказал Филатову дожидаться врача, чтобы отвезти его в залив Чекина, а сам тотчас отправился к семье Миллера. Примчавшись на берег залива, Вылко долго не мог найти избу — бушевавшая накануне пурга замела ее целиком снегом. Нащупав хореем крышу, Вылко стал отгрести снег, а потом проломил крышу, чтобы проникнуть внутрь.

Увидев пролитый керосин и вглядевшись в искаженное лицо Миллера, Вылко все понял.

— Саса, ты сто задумал?! — закричал он. — Жить надо, терпеть надо, детей спасти надо!

Вылко накормил детей хлебом, затопил печь, стал готовить обед. И так прожил у Миллера до приезда Филатова, а потом поехал за 160 километров на фабрику Пахтусова, чтобы обеспечить семью Миллера продуктами».

Один эпизод, одна маленькая страничка биографии Ильи Константиновича, а сколько доброго он сделал новоземельцам более чем за тридцать лет своего «президентства» на острове!

— Любите землю, — говорил он, поднявшись 1 Мая на маленькую красную трибуну, — это наша советская земля! Любите, не обижайте друг друга. Никогда не плачьте, знайте: суровая земля слабых не любит. А живете вы теперь лучше, чем жил я в детстве. О нас с вами заботится весь народ. Но и мы должны думать о народе и делать все так, чтобы говорили: хорошо!

А после митинга шел по домам промысловиков, охотно выпивал с каждым добрую чарку.

— Чарка елый саво! Чарка очень хорошо!

Из года в год бывает весна,
Лето бывает тоже.
Осень срастается с зимой,
На смену лету приходит.
Не вернется лишь старая жизнь,

Незачем ей возвращаться,
Другая жизнь началась, —

Шли тридцатые годы, когда взоры всей страны были обращены к Арктике. Участники полярных экспедиций, останавливавшихся на Новой Земле, — постоянные гости в доме председателя островного Совета. Нет, не гости. Все вместе они участники общего дела освоения полярных широт. Илья Константинович участвовал в обсуждении маршрутов, консультировал, давал советы. «Знает каждый камень и на суше, и на море. Лучший прогнозист погоды и ледовых условий — говорили про него», — вспоминает К. П. Гемп.

Илья Константинович не оставляет своей работы по изучению природы Новой Земли. День за днем, год за годом отмечает он в дневнике метеорологические показатели: температуру, направление и силу ветра, записывает данные об изменениях уровня воды в озерах, исследует движение ледников. Во время поездок по острову собирает гербарий, геологические коллекции. Страсть к познанию не оставляла его за многими заботами и делами.

— Знать много хочу, да не все осиливаю, а голову все же набиваю, — шутил он.

Во время Великой Отечественной войны на председателя островного Совета была возложена организация гражданской обороны острова: строительство укреплений, наблюдательных постов. Илья Константинович не только отлично справился с этой работой, но и лично выследил немецкого диверсанта. За руководство оборонными работами на острове он был награжден орденом Красной Звезды, медалями «За оборону Заполярья» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне».

Вскоре после победы Вылко говорил:

— В 1918 году кулаки в Кармкулах не велели выбирать Вылку. Но я был у Михаила Ивановича Калинина, и он научил меня, как нужно управлять людьми.

На склоне лет жителю острова предложили переехать в Архангельск. Вылко сказал тогда:

— Почти как в пушкинской сказке: рыбацк жил у синего моря тридцать лет и еще три года. Мне полугода не хватило только. Тридцать два года с половиной я был президентом Новой Земли...

Знакомый город гостеприимно встретил Илью Константиновича.

— Люди здесь живут хорошие, щедрые, — делился он своими мыслями с писателем Е. Коковиным. Для меня новый дом строят. Там, на Вологодской улице буду жить.

ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ ЧЛЕН ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

В 1944 году в Архангельске был создан отдел Географического общества. Билет действительного члена старейшего научного общества страны был вручен Илье Константиновичу Вылке. С этого дня он постоянно бывает в обществе, активно участвует в работе отдела. Бывшая в это время ученым секретарем отдела Ксения Петровна Гемп рассказывает об этих его визитах: «Ростом он был невелик, коренастый, широкоплечий. Стоял прочно на земле, шагал ровно, не торопясь, движения его были ловкие, уверенные, без спешки, и не было среди них лишних. Приветствуя, крепко жал руку своей твердой небольшой рукой. Приветствия были краткие и сердечные».

Он живо и увлеченно рассказывал о новостях в жизни ненцев, о промыслах, об экспонатах для музея.

Поселившись в Архангельске, Илья Константинович обращается к истории открытия и изучения Новой

Земли, знакомится с разнообразными литературными и документальными источниками.

История эта полна героических страниц, повествующих о мужестве, благородной любознательности целых поколений первопроходцев. И в памяти старого проводника полярных экспедиций возникали картины заброшенных поморских становищ, виденных им некогда на побережьях родного острова. Теперь эти воспоминания ложились на канву исторических дат, обрастали именами и событиями.

...Впервые Новая Земля стала известна промышленникам-поморам еще в XI веке. Но лишь спустя пять столетий в Европе англичанином Гаклюйтом было издано первое, весьма приблизительное и не свободное от вымысла описание островов. В 1596 — 1597 годах близ северо-восточной оконечности Новой Земли зимовала голландская экспедиция. Многие ее участники погибли от цинги. В Ледяной гавани нашел смерть Виллем Баренц — участник этой экспедиции, отважный путешественник, чье имя увековечено на картах.

Если сначала русские промышленники отправлялись на Новую Землю только на летние промыслы, то в XVIII столетии они уже неоднократно зимовали там. Выходец из Мезени, Ф. Рахманин зимовал на ее берегах 26 раз. Крестьянин деревни Шуя, Я. Чиракин «оную Новую Землю проходил поперек насквозь на другое называемое Карское море два раза». Наконец, в 1769 году Архангельская портовая контора организовала на остров специальную экспедицию под началом штурмана Федора Розмыслова. Деятельность этой экспедиции открыла период всестороннего научного изучения Новой Земли. Литке и Пахтусов, Бэр и Циволька продолжили дело изучения ее побережий, внесли бесценный вклад в ее исследования.

«А какую роль в изучении Новой Земли сыграл его

народ?» — задумывается Вылко. И обращается к именам своих соплеменников — ненцев, также бывших в числе пионеров изучения Европейской Арктики. В 1949 году газета «Правда Севера» опубликовала его статью «Ненцы — исследователи Арктики». Вылко рассказал в ней о десяти смельчаках, отправившихся на промысел в море с одним кремневым ружьем и копьями и исчезнувших бесследно.

Первым Новой Земли достиг ненец Пыенгарка — его имя носит один из мысов острова. Первопроходец был поражен видом высоких снежных вершин, сползающих к морю ледников. «На этой земле, должно быть, боги живут», — рассказывал он, вернувшись на Большую землю. И долго называли ненцы эти острова «Нороя» — Божественная.

Те, кто отважился отправиться в Ледовитый океан, писал Вылко, «считались очень большими людьми. Их уважали за то, что они знали природу. За то, что они победили стихию: и плавучие льды, и морские волны». На Новой Земле побывали Матвей Вылко, Яги Нахо, Миритя Яха. Пырерко был первым, кто отважился на зимовку на острове. Здесь он перенес тяжелые лишения, едва не умерев от цинги. И наконец, Фома Вылко остался на Новой Земле на постоянное жительство. Устами ненецких первопроходцев и открывателей Новой Земли Вылко говорил: «Не должно быть такой Земли, на которой нельзя жить! Не должно быть такой природы! Неужели мы не проживем? Не надо бояться опасностей. Мы победим их. Мы не вернемся на Большую землю. У нас будет своя земля, здесь».

В этнографической секции общества Илья Константинович сделал обстоятельный доклад «Ненецкие названия на острове Новая Земля», явившийся ценным вкладом в топонимику Арктики. С трибуны он говорил по-русски, без акцента.

Помимо перевода ненецких наименований географических объектов Вылко дал подробные комментарии к ним. И каждый такой комментарий — это маленькая новелла с героем, сюжетом и неожиданным разворотом событий, послужившим основой для возникновения названия. Так, приводя название горы Пухича пэя — Старухин камень, расположенный недалеко от мыса Столбового, Вылко сообщил, что это название появилось потому, что первым, кто поднялся на вершину, была старуха. Это была жена Максима Пырерко. Открыл это место Ханец Вылко.

Иногда названия пояснялись целым рассказом. Так, у реки Тайной — Нарьяна нахохойпыя — Конец горы Красного Нохо. Старик по имени Нохо (нохо — песец) охотился с ружьем. У него не было спичек, и он стал добывать огонь при помощи ружья. Растолок уголь. Положил уголь с порохом в сухую тряпочку. Выстрелил. Тряпочка загорелась. Раздувает тряпочку и тут же досыпает порох из банки. Получилась вспышка, и он ослеп. Лежит слепой в чуме, а сам красный. Вот и назвали гору горой Красного Нохо.

Когда один из этнографов стал записывать рассказ Вылки и попросил повторить название «Конец горы Красного Нохо», Илья Константинович настоял на написании именно этого выражения — «Конец горы». «Пиши так, — сказал он, — это отдельное название у нас».

Или название Павливэно лама, в переводе озеро Испугавшегося Павла. Озеро замерзло. Павел хотел ловить рыбу. Сделал для этого лунки в озере. Вода заколебалась. Он испугался. Перед теплой погодой всегда лед ломается, а он черта испугался.

— Когда-то, лет двести, а может быть, триста, — рассказывал Илья Константинович, — много белух заходило в губу. Вот и прозвали ее Белушьей. Теперь белухи

почти не встречаются, они не любят запаха машинного масла, плеска весел и стука моторов. Но в губе круглый год живут нерпы, старые и молодые, кормятся здесь, выводят детенышей. Они не такие пугливые, как белухи.

В 1950-х — 1960-х годах Илья Константинович часто выступает с лекциями, докладами, с особым удовольствием рассказывает о своем учителе и друге Владимире Александровиче Русанове. В 1959 году он передал руководителю фольклорной экспедиции Географического общества Анне Михайловне Щербаковой тоненькую тетрадь в розовой обложке. На ней была надпись: «Воспоминание Русанова Владимира Александровича, любителя Новой Земли». Это подробный рассказ о совместных путешествиях 1909 — 1911 годов, содержащий многие детали и подробности, важные для биографии выдающегося полярного исследователя, летопись его дел на Новой Земле. Здесь и портрет Русанова, и описание совместных маршрутов, и запись диалогов.

Русанову посвящен написанный Вылкой в 50-е годы единственный портрет — крупное поясное изображение, точно вплотную придвинутое к раме, которое подчеркивает значительность личности путешественника. Рассказывая об этом портрете, искусствовед О. П. Воронова отмечает, что, хотя Русанов и похож на нем на свои фотографии, сходство это внешнее, а внутреннее — в нем видна решительность, энергия, сосредоточенность — черты, так определенно присущие путешественнику. Загорелое лицо Русанова, его темная и простая одежда четко выделяются на фоне пейзажа — моря и плывущих по нему льдин. Хорошо переданы простая материя костюма и шляпа путешественника.

Когда в дом входили гости и справлялись о том, как он живет, Вылко отвечал:

— Хорошо. Сейчас пишу. Рисую. И он писал.

Существует тенденция противопоставить Новую Землю, Арктику Борисова с ее лиричной сюжетностью, импрессией, даже определенным элементом декаданса Новой Земле, Арктике Тыко Вылко — Арктике простой, неяркой, домашней, составляющей окружение родного чума. При этом непременно подчеркивается, что Арктика Вылко — «правильная» Арктика. Но Арктика здесь, если можно так сказать, увидена родными глазами. Борисов видит ее впервые, он поражен ею, он воспринимает и передает с подлинным мастерством ее цветовую гамму на Большой Земле. Арктика Вылки — его повседневность, это кормилица, это — в его собственных глазах — обыкновенная жизнь, рассказанная талантливо, но скупым набором изобразительных средств. И по-видимому, обе трактовки Арктики имеют право на существование, и обе трактовки верны, как в классике мировой полярной литературы равноправно сосуществует Арктика — «Страна ночи и льда» Фригьофа Нансена и «Гостеприимная Арктика» Вильямура Стеффансона.

Рисунки Вылки — это собрание иллюстраций к ненаписанной книге его странствий, это «живописная география» Новой Земли. Это простой и очень достоверный рассказ о виденном в пути. Даже сами названия картин — это как бы запись дальних маршрутов. И то, что путешественник обычно записывает в дневнике, цветные карандаши Вылко занесли на бумагу: «Незаметный залив», «Столбовый мыс», «Горы в Машигиной губе», «Ледник Норденшельда на Карской стороне», «Губа Белушья», «Горы Северного острова», «Мыс Дровяное». Как удивительно напоминает этот перечень названий картин Вылки — краткое указание маршрута, которое предпосылали главам своих сочинений путешественники прошлого! А сами главы? Главы — это

живописное повествование Вылки о каждом уголке родного края. О его людях, о Федоре Розмыслове, о Георгии Седове. Но чаще о Русанове. Его корабль. Его стоянка. Его работа. И пояснял — это стоянка Русанова, Маточкин Шар. Там — Седова. Вот идет Русанов. Гляжу на него — будто вчера его видел. Совсем как живого сделаю.

Илья Константинович задумал свести воедино материалы своих географических наблюдений, начатых еще в юности. Живя в Архангельске, он пишет статьи о движении льдов, изменчивости вод, о тюленьих лежбищах и птичьих базарах. Надо решить вопрос о вечной мерзлоте. У нас земля только с поверхности замерзает. Вечной мерзлоты не встретишь нигде, я искал — глубже полуметра не промерзает, копал, знаю. Да и старики говорят: «Теплая наша Новая Земля».

Тема подземного тепла, которое отогреет суровые полярные страны, привлекла его в качестве сюжета фантастической повести, которую он начал писать. По случайно найденной норке лемминга, из которой валил пар, люди догадались, что в этом месте тепло близко подходит к земной поверхности.

Вылко мечтал выкопать шахту глубиной в четыре километра, там будет очень жарко. Из-под земного котла трубы будут подавать горячий воздух. Тогда «лето будет длиннее и на Новой Земле вырастут помидоры и картошка».

Илья Константинович все чаще задумывался о необходимости самых строгих мер по охране природы Севера. По его инициативе на Новой Земле был введен лимит на отстрел белых медведей и оленей, установлены сроки сбора яиц.

Вылко оказал неоценимую помощь исследователям ненецкого фольклора, которых Географическое общество направило в Архангельск. Любимыми его песнями

были древние богатырские песни — сюдбабц, а также и старинные песни — ярабц*.

«Исполняя эти песни, Илья Константинович Вылко глубоко переживал судьбу героев, выражая свое сочувствие не только мимикой и жестикуляцией, но также и разными замечаниями, восклицаниями одобрения или порицания, поясняя поступки действующих лиц, а иногда досадовал и бранился. К концу песни он словно уставал и, тяжело дыша, вытирал со лба крупные капли пота», — вспоминает А. М. Щербакова.

---

* Слово «сюдбабц» происходит от слова «слюдбя» — богатырь, а слово «ярабц» — от глагола «яръцъ» — плакать.

ПОСЛЕДНЯЯ ГЛАВА

— Еще бы пять картин написать! — мечтал Вылко, чувствуя признаки надвигающейся болезни.

— Какие задумали? — спросил его журналист-фотограф С. Курилов.

Оказывается, замысел всех картин был посвящен путешествиям с Русановым. Его стоянки в проливе Маточкин Шар и в Строгоновой губе. Путешествие в шлюпке. Выход на «Полярной». И наконец, Русанов на «Геркулесе».

Картины эти остались не написанными. Зато совсем недавно архангельским журналистом В. Толкачевым были найдены написанные Ильей Константиновичем в последний год его жизни письма, адресованные живущему на острове Вайгач сыну — Ивану Ильичу Вылке.

Через них трудно представить себе Вылку-художника, Вылку-исследователя. В них Вылка — просто советский человек, и, поскольку эпистолярное наследие Ильи

Константиновича невелико и мы стремимся собрать это наследие воедино, приведем несколько писем.

«Здравствуй Иван. Как поживаете (как) здоровье? Как успехи в работе, как Дарья работает, как чистит песцов? Почему не попал в охотники? Я получил письмо от Вылки Иосифа, к 10 января он наловил 24 песца, 70 нерп, 3 зайца — очень хорошо. От Вылки Ионы тоже получил письмо, ловил 10 песцов. Ледкова Елена тоже писала. От тебя получил записку, не письмо, ничего не написано... Эта записка чуть не расстроила. Как я старался устроить сына в Арктику, на работу! Ты грамотный, можешь работать везде, руководить промыслами...

Теперь идет борьба с пьянством. Много хороших работников за пьянство попадают на худые тяжелые работы. Ледков Алеша за пьянство себя погубил, свою жизнь, теперь не знаю, где находится. Вся эта пьянка для меня очень неприятна...

Таких писем не пишете, писать надо, что приступил к работе, что работаю хорошо, приняли тоже хорошо. Такое письмо был бы рад получить, а то получил совершенно нежизненную бумажку.

Где сейчас работаешь, там же работай, никуда не уходи. Люди работают, живут, все свои люди.

Ваня, твое предложение не принимаю. Не переезжать, а работать надо там. На Вайгаче работы хватит. Тебе надо новоземельский пример показать по промыслам. Живу на старом месте, после 1 апреля, наверное, будет новая (квартира), дадут на Костромском проспекте... Все мелкие дома ликвидируют, строят новые каменные дома...

Скажите всем привет: Ионе, Иосифу, Тимофею и Елене, всем, всем на Вайгаче, председателю «Арктики» товарищу Ружникову. Желаю вам успеха в работе. Тыко Вылка, 26.III.60 г.».

«Я пока живу на старом месте. Наверное, будем на новой квартире. Вы живите спокойно, никуда не уходите. Обо мне не надо думать, меня люди берегут. 10 апреля я видел Николая Жданова, ко мне заходил. Он говорил: Иван хорошо живет, работает тоже хорошо. Я успокоился. Заходил к Дунаеву. Он тоже говорит, хорошо, что в Арктику попал, пусть там живет, здесь ему не житье. Дарья тоже, чтобы работала на какой-нибудь работе, зимой песцов чистила — это хорошо. Скажите старухе Елене мой привет.

Дорогой мой сын. Поздравляю вас с наступающим праздником. День 1 Мая — день международной солидарности трудящихся, день братства рабочих всех стран.

Желаю доброго здоровья, успехов в работе. Надеюсь, что вы развернете дело о промыслах совместно с вашим председателем колхоза товарищем Ружниковым. Добивайтесь использовать все природные богатства острова Вайгач для блага нашей великой Родины. В Арктике много неисчерпаемых природных богатств. Всем вайгачским людям мой Первомайский пламенный привет. Желаю всем здоровья и быть бодрым. Тylko Вылка, 12.IV.60 г.»

«Ваня приветом большим праздником днем 1-го Мая, будь бодрым работником, на всех работах пример покажи, по-новоземельскому работой на промыслах для блага великой нашей Родины. Подтяни вайгачских охотников. Я получил твое письмо. Очень рад такое письмо получить. Это жизненное письмо. Сердце разом стало веселее.

Вы хотите следующую зиму ехать на мыс Дыроватый? Там хорошо (морской) зверь, песок, птица, рыба. Ты собак растил 5 щенков — на первое время хватит. Необходимы сети для нерпы, пешня, лопата, сети для рыбы — все нужно. Пилы и топоры — строить новые избы, ремонтировать... Нужна лодочка.

Я еще раз говорю: рад, стало весело. Ты будешь охотиться, зарабатываешь, купите мотор подвесной. С Ружниковым работайте рука об руку, разверните дело о промыслах. Теперь я покойно буду жить. Ты обо мне не беспокойся. Твой отец Вылка, 23.IV. 60 г.».

В течение целого года Илья Константинович мучился болями в желудке. Рентгенолог не стал скрывать страшную правду: рак. Но от операции Вылко отказался. Заявил: «Так буду жить, сколько могу».

И когда почувствовал, что жить больше не может, привел в порядок свои вещи, вымыл кисти и пошел проститься с друзьями. Долго сидел с Писаховым, потом направился в Географическое общество.

Ксеню Петровну Гемп застал в лаборатории. Просто сказал:

— Я пришел проститься.

— Куда вы собрались, Илья Константинович?

— Сначала в больницу, а потом, наверное, дальше. —

И задумчиво добавил:

— Пойду догонять Русанова. И опять мы с ним будем идти в холодных льдах...

Из больницы передал записочку: «Пришлите мне стихотворение Лермонтова «Белеет парус одинокий» и «Памятник» Пушкина. Я переведу их на ненецкий язык...»

28 сентября 1960 года было последним днем его жизни.

Вот и вся история жизни Тыко Вылки — путешественника, отважного охотника, самобытного исследователя и художника, первого президента Новой Земли.

Теперь можно отложить книгу в сторону и спокойно подумать «о смысле жизни» Тыко Вылки. О неисчислимых опасностях и страданиях, выпавших на его долю.

О голоде и нищете юности, о более чем скромном достатке зрелых лет. О его доброте и щедрости. О его простоте и скромной славе. О нехитрых истинах, которые он завещал людям всей своей жизнью.

Именем Ильи Константиновича Вылки названы ледник на Северном и бухта на Южном острове Новой Земли, а также улицы в городах Архангельске и Нарьян-Маре.

ЛИТЕРАТУРА

Васнецов В. Под звездным флагом «Персея». Л.: Гидрометеоиздат, 1974.

Воронова О. Президент Новой Земли Тыко Вылко. М.: Советский художник, 1977.

Вылко Илья. Из моей жизни. — Изв. Арханг. о-ва изучения Русского Севера, 1917, № 9—10.

Вылко Илья. Новая Земля. — «Путь», 1912, февраль.

Гемп К. П. Илья Константинович Вылко. — В кн.: Природа и хозяйство Севера, вып. 8. Петрозаводск, 1980.

Дармодехин Вл. Тыко Вылко. Архангельск: ОГИЗ, Арханг. изд-во, 1946.

Личутин В. Сын тундры. — В кн.: Край мой ненецкий. Архангельск: Северо-Западное кн. изд-во, 1973.

Пасецкий В. Судьба И. Вылко. — В кн.: Геркулес исчезает во льдах. М., 1961.

Переpletчиков В. Север. — В кн.: Очерки русской действительности. М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1917.

Русанов В. А. На «Дмитрии Солунском» вокруг Новой Земли. — В кн.: Материалы по исследованию Новой Земли. Вып. 11. Петербург, 1911.

Русанов Владимир Александрович. Статьи, лекции, письма. Л.: Изд-во Главсевморпути, 1945.

Садовский Б. И. Очерк колонизации Новой Земли за 1910 год. — Изв. Арханг. о-ва изучения Русского Севера, 1911, № 4.

Щербакова А. М. Тыко Вылко. Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1965.

СОДЕРЖАНИЕ

РОДИЛСЯ Я НА НОВОЙ ЗЕМЛЕ	7
КОГДА ЮНЫЙ ВЫЛКО ВПЕРВЫЕ ВЗЯЛСЯ ЗА КАРАНДАШ?	11
МНЕ ХОЧЕТСЯ ЕЩЕ ДАЛЬШЕ — НА СЕВЕР	15
С РУССКИМ РУСАНОВЫМ	24
Я ВСЕГДА ПОМНЮ ЭТОТ ГОРОД	38
Я ОСТАЮСЬ НА НОВОЙ ЗЕМЛЕ	45
ПРЕЗИДЕНТ НОВОЙ ЗЕМЛИ	54
ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ ЧЛЕН ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА	64
ПОСЛЕДНЯЯ ГЛАВА	72
ЛИТЕРАТУРА	77

Кошечкин Б. И.

К76 Сын Новой Земли: (Тыко Вылко). — М., Мысль, 1980. — 78 с., ил., 4 л. ил. — (Заметчат. географы и путешественники)
20 к.

Очерк посвящен путешественнику и художнику Тыко Вылке, который вместе с выдающимся ученым и исследователем Арктики В. А. Русановым участвовал в экспедициях на Новой Земле После Великой Октябрьской социалистической революции помогал первым советским экспедициям, изучавшим далекий остров. Как художник, первый дал правдивые картины природы сурового края, способствовал развитию грамотности и культуры ненецкого народа

К $\frac{20901-134}{004(01)-80}$ 168-80

91(09)

КОШЕЧКИН БОРИС ИВАНОВИЧ
СЫН НОВОЙ ЗЕМЛИ
(ТЫКО ВЫЛКО)

Заведующий редакцией О. Д. КАТАГОЩИН
Редактор С. Я. ПРОХОДЦЕВА
Младший редактор М. В. КРЕТОВА
Редактор карты Е. А. ШЕМЯКИНА
Оформление художника М. И. ХУДАТОВА
Художественный редактор А. И. ОЛЬДЕНБУРГЕР
Технический редактор И. И. СОШНИКОВА
Корректор В. А. МАКАРОВА

ИБ № 1282

Сдано в набор 24.10.79. Подписано в печать 21.04.80. А02368. Формат 70 × 100¹/₃₂. Бумага офсетная № 1. Гарнитура Таймс. Офсетная печать. Усл. печатных листов 3,545 (с вкл.). Учетно-издательских листов 3,45 (с вкл.). Тираж 100 000 экз. Заказ № 1249. Цена 20 к.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71. Ленинский проспект, 15.

Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. г. Калинин, пр. Ленина, 5.

20 к.

•Мысль•

